СУДНЫЙ ДЕНЬ.

СКАЗКА

В. Г. Короленко.

ИЗДАНІЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
КОМИТЕТА
ГРАМОТНОСТИ.

Цѣна 8 коп.

№ 71

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ разсказъ Владиміра Галактіоновича Короленко «Судный день». Въ его основу положена легенда, слышанная писателемъ еще въ дѣтствѣ.

Разсказъ написанъ въ 1890 году. Его главнымъ героемъ является мельникъ, который занимаетъ мѣсто унесеннаго нечистой силой хозяина питейнаго заведенія, при чемъ мельникъ могъ его спасти, сказавъ нѣсколько словъ, но не сталъ этого дѣлать, позарившись на заведеніе хозяина. Мельникъ сталъ еще больше притѣснять односельчанъ, разбавлять алкогольные напитки и брать еще большій процентъ за деньги, даваемыя имъ въ ссуду. И черезъ годъ нечистая сила явилась и къ нему...

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ источникомъ отъ 1895 года [1].

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

[1] Короленко, В. Г. Судный день: Малорус. сказка В. [Г.] Короленко. – Санктъ-Петербургъ: С.-Петерб. ком. грамотности, состоящій при Имп. Вольномъ экон. о-вѣ, 1895. – 80 с.: ил.; 21.

СУДНЫЙ ДЕНЬ.

СКАЗКА.

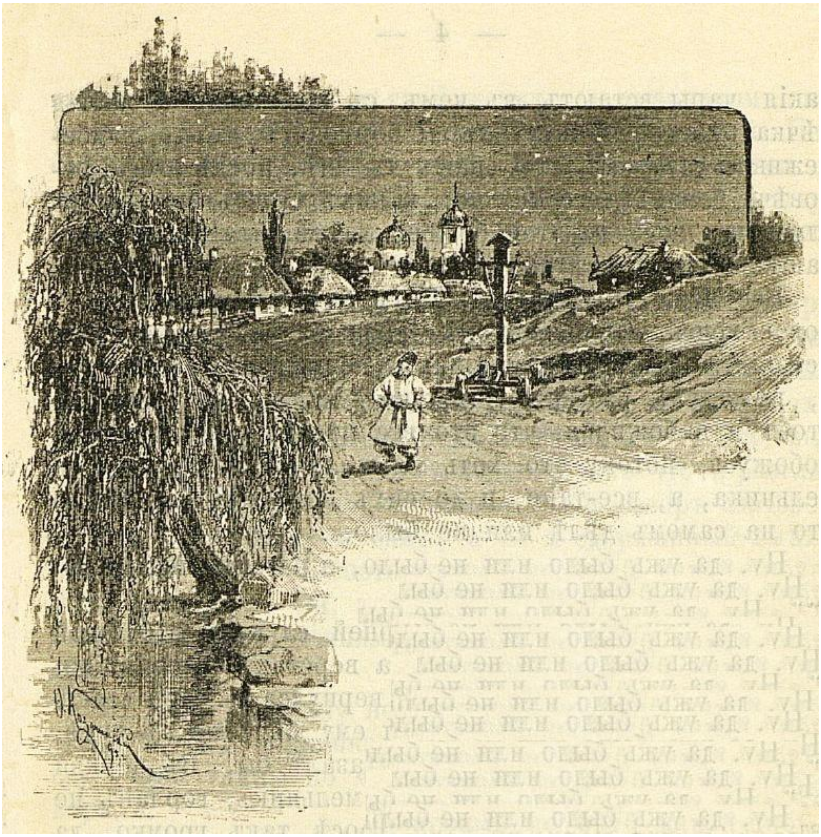
МАЛОРУССКАЯ СКАЗКА.

В. Короленко.

Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности,
состоящая при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Вольномъ
Экономическомъ Обществѣ.

Дозволено цензурою. Спб. 4 апрѣля 1895 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія О. Добродѣева. Ковенскій пер., д. № 14.
1895.



СУДНЫЙ ДЕНЬ.

«ІОМЪ-КИПУРЪ» *

(Малорусская сказка).

Огонь погасъ, а мѣсяцъ всходитъ,
Въ лѣсу пасется волкодавъ...
(*Шевченко*).

Вотъ что: выйди ты, человѣче, въ ясную ночь изъ своей хаты, а еще лучше за село, на пригорочекъ, и посмотри на небо и на землю. Посмотри, какъ по небу ходитъ ясный мѣсяцъ, какъ мигаютъ и искрятся звѣзды, какъ отъ земли встаютъ легкія тучи и бредутъ куда-то, одна за другой, будто запоздалые странники ночною дорогой... А лѣсъ стоитъ заколдованный и слушаетъ, какія чары встаютъ въ немъ съ полуночи, а сонная рѣчка бѣжитъ и журчитъ и бормочетъ что-то надбережнымъ яворамъ... И скажи ты мнѣ, послѣ этого, человѣче божій: чего только, какихъ чудесъ не можетъ случиться вонъ въ этой божьей хаткѣ, что люди называютъ бѣлымъ свѣтомъ?

Все можетъ случиться. Вотъ съ знакомымъ моимъ, новокаменскимъ мельникомъ, тоже разъ приключилась исторія... Если вамъ еще никто не

---

* Черезъ десять дней послѣ еврейскаго новаго года, который празднуется раннею осенью, наступаетъ у евреевъ праздникъ Іомъ Кипуръ (очищенія). Мѣстное христіанское населеніе называетъ этотъ день «суднымъ днемъ». Существуетъ повѣрье, что въ этотъ день еврейскій чортъ, Хапунъ, уноситъ изъ синагоги одного еврея. Къ этому повѣрью подали поводъ, вѣроятно, чрезвычайно трогательные обряды, сопровождающіе празднованіе Іомъ-Кинура и совершающіеся въ маленькихъ городишкахъ Западнаго края на-виду у христіанскаго населенія.

разсказывалъ, такъ я, пожалуй, разскажу, только ужь вы не требуйте, чтобъ я побожился, что это все правда. Ни за что не побожусь, потому что хоть слыхалъ я ее отъ самого мельника, а, все-таки, и до сихъ поръ не знаю: было это на самомъ дѣлѣ или не было...

Ну, да ужь было или не было, а разсказывать надо, какъ было.

Разъ вечеромъ, послѣ вечерней службы въ Новой Каменкѣ, — а мельница отъ села верстахъ этакъ въ полуторыхъ, не болѣе, — мельникъ вернулся къ себѣ что-то не очень въ духѣ. А отчего бы ему быть не въ духѣ, этого онъ и самъ толкомъ не сказалъ бы. Въ церкви все шло какъ слѣдуетъ, и нашъ мельникъ, горланъ не изъ послѣднихъ, читалъ на клиросѣ такъ громко, да такъ быстро, что и привычные люди удивлялись. «Вотъ какъ чешетъ, вражій сынъ, — говорили добрые люди съ великимъ решпектомъ [*], — хоть бы тебѣ одно слово понять можно было. Чистое колесо: вертится-катится и знаешь, что есть въ немъ спицы, а поди-ка угляди хоть одну. Такъ вотъ и онъ читаетъ: рѣчь какъ кованое колесо по камню гремитъ, а слова никакъ не ухватишь».

А мельникъ слушалъ, что люди промежъ себя говорятъ, и радовался. Умѣлъ-таки потрудиться для Господа Бога: языкомъ, какъ иной здоровенный парубокъ цѣпомъ на току, молотилъ, такъ что даже въ горлѣ къ концу пересохло и очи на лобъ полѣзли.

Послѣ службы батюшка къ себѣ мельника позвалъ, чаемъ напоилъ, да и графинчикъ съ травникомъ на столъ поставилъ полный, а со стола убрали пустой. Послѣ этого мѣсяцъ стоялъ уже высоко надъ полями и заглядывалъ въ маленькую, но быструю рѣчку Каменку, когда мельникъ вышелъ изъ поповскаго дома и пошелъ

[*] *Решпекъ* – уваженіе.

по селу, къ себѣ на мельницу.

Изъ сельскихъ людей кто уже спалъ, кто сидѣлъ при свѣтѣ каганцòвъ въ хатахъ за вечѐрей, а были и такіе, которыхъ теплая да ясная осенняя ночь выманила на улицу. И сидѣли себѣ старые люди на призьбахъ (заваленкахъ), а молодые подъ тынами, въ густой тѣни отъ хатъ да отъ вишневыхъ садовъ, такъ что и разглядѣть было невозможно, и только тихій говоръ людской слышался и тамъ, и сямъ, а то и сдержанный смѣхъ или иной разъ — неосторожный поцѣлуй какой-нибудь молодой пары... Эй, мало-ли что дѣется порой въ густой тѣни подъ вишнями вотъ въ такую ясную да теплую ночь!

Но хоть мельнику не было видно людей, а люди хорошо видѣли мельника, потому что онъ шелъ самою серединой улицы по мѣсяцу. И потому кое-гдѣ ему говорили:

— Добрый вечеръ, господинъ мельникъ. А не отъ батюшки-ли вы это идете? Не у него-ли загостились такъ долго?

Всѣ знали, что больше не отъ кого ему и идти, но мельнику это было пріятно, и онъ отвѣчалъ не безъ гордости и не задерживая шагу:

— Ага, загостился таки немного! — и шелъ себѣ дальше прегордою поступью...

А иные сидѣли тихенько подъ навѣсами и только ждали, чтобъ онъ прошелъ поскорѣе и не замѣтилъ-бы, что они тутъ. Но не такой былъ человѣкъ мельникъ, чтобы пройти мимо или позабыть тѣхъ людей, которые ему должны за муку или за помолъ, или просто взяли у него денегъ за проценты. Ничего, что ихъ плохо было видно въ тѣни и что они молчали, будто воды набрали въ ротъ, — мельникъ, все-таки, останавливался и говорилъ самъ:

— А, здоровеньки были! Тутъ вы? Молчите или

не молчите, это какъ себѣ хотите, а мнѣ должокъ припасайте, потому что срокъ завтра, утромъ-раненько. А я ждать не стану, вотъ что!

И послѣ этого опять шелъ дальше по улицѣ и его тѣнь бѣжала съ нимъ рядомъ, да такая черная-пречерная, что мельникъ, человѣкъ книжный и всегда готовый при случаѣ пошевелить мозгами, думалъ про себя:

— Вотъ какая черная тѣнь, даже удивительно!.. На человѣкѣ надѣта свитка бѣлѣе муки, а тѣнь отъ нея чернѣе сажи...

Тутъ поровнялся онъ съ шинкомъ жида Янкеля, что стоялъ на горкѣ, недалеко уже отъ выѣзда. Шàбашъ уже кончился съ закатомъ солнца, но, все-таки, въ шинкѣ хозяина не было, а сидѣлъ жидовскій наймитъ Харько, который всегда замѣнялъ Янкеля и его бàхорей* по шабашамъ и въ праздники. Онъ зажигалъ имъ свѣчи и принималъ своими руками деньги отъ людей, потому что жиды — это ужь всему свѣту извѣстно — строго наблюдаютъ свою вѣру: ни за что въ праздникъ ни свѣчей не зажгутъ, ни денегъ въ руки не возьмутъ, — грѣхъ! Все это за нихъ и дѣлалъ наймитъ Харько, изъ отставныхъ солдатъ, а Янкель, или Янкелиха, а то и бàхори только слѣдили зоркими очами, чтобы какъ-нибудь пятакъ или двадцатка вмѣсто выручки не попала какимъ-нибудь способомъ въ карманъ къ Харьку. «Хитрый народъ, ой и хитрый-же! — думалъ про себя мельникъ. — Умѣютъ и Богу своему угодить, и грòшей не упустятъ. Да и разумный народъ, это тоже надо сказать, — гдѣ нашимъ!»

Онъ остановился у входа въ шинокъ, на площадкѣ, крѣпко утоптанной множествомъ людскихъ ногъ, что толклись тутъ и въ базаръ, и въ простые дни,

* *Бахори* — дѣти.

всю недѣлю, — и спросилъ:

— Янкель! Эй, Янкель! Дома ты, или, можетъ, тебя нѣту?

— Нѣту, не видишь, что-ли? — отвѣчалъ наймитъ изъ-за прилавка.

— А гдѣ?

— Гдѣ? — въ городѣ, вотъ гдѣ, — отвѣчалъ наймитъ. — Вы, господинъ мельникъ, развѣ не знаете, какой у нихъ день?

— Какой?

— Іомъ-кипуръ!

«Вотъ объяснилъ, такъ объяснилъ!» — подумалъ про себя мельникъ. А надо вамъ сказать, наймитъ этотъ хоть и былъ себѣ простой наймитъ, да не то, что простой, а еще и жидовскій, — все-таки, человѣкъ былъ письменный, служилый и прегордый. Любилъ задирать носъ кверху и величаться, а особливо передъ мельникомъ. На клиросѣ тоже читалъ, пожалуй, не хуже самого мельника, только что голосъ имѣлъ съ трещиной и забиралъ въ носъ. Поэтому въ Часословѣ еще могъ съ Филиппомъ Гладкимъ тягаться, а ужь въ Апостолѣ никакимъ способомъ. За то въ чемъ другомъ ни за что, бывало, не уступитъ. Мельникъ скажетъ одно слово, а онъ ему на встрѣчу другое, да какъ разъ еще противное. Мельникъ скажетъ иной разъ: «не знаю», а наймитъ тотчасъ: «а я такъ знаю». Непріятный человѣкъ... Вотъ и теперь загнулъ такое слово, что мельникъ даже подъ шапкою ногтями заскребъ, а самъ еще радуется.

— Да вы, можетъ, и теперь не догадались, какой это день?

— А что мнѣ и знать всякій жидовскій праздникъ! — отвѣтилъ мельникъ съ досадой. — Развѣ я у нихъ служу или что?

— Всякій? То-то вотъ и есть, что не всякій! Сегодня у нихъ такой праздникъ, что только разъ въ

годъ и случается. Да это еще что! А вотъ я вамъ скажу: такого другого праздника на всемъ свѣтѣ ни у одного народа не бываетъ.

— Ну, вы скажете!

— Про Хапуна, я думаю, и вы слыхали.

— А!

Мельникъ только свиснулъ, — какъ-же это онъ въ самомъ дѣлѣ не догадался? — и заглянулъ въ окно жидовской хаты: тамъ, на полу, были разостланы сѣно и трава, въ двойныхъ и тройныхъ свѣтильникахъ горѣли тонкія сальныя свѣчи-моканки и слышалось жужжаніе какъ будто отъ нѣсколькихъ здоровенныхъ, въ ростъ человѣка, пчелъ. То молодая, недавно взятая еще Янкелемъ, вторая жена и нѣсколько жиденятъ, закрывъ глаза и чмокая губами, жужжали какія-то молитвы, въ которыхъ слова схватить было невозможно. Однако-же, было что-то такое въ этомъ моленіи удивительное: казалось, кто-то другой сидитъ внутри жидовъ и плачетъ, и причитаетъ, вспоминаетъ и проситъ. А кого и о чемъ — кто ихъ знаетъ! Только какъ будто-бы уже не о шинкѣ и не о деньгахъ...

У мельника стало отъ той жидовской молитвы что-то сумно на душѣ, — и жутко, и жалко. Онъ переглянулся съ наймитомъ, которому тоже слышно было жужжаніе изъ-за корчемной двери, и сказалъ:

— Молятся!.. Такъ, говоришь, Янкель поѣхалъ въ городъ?

— Поѣхалъ.

— И что ему за охота? Ну, какъ его-то какъ разъ Хапунъ и цапнетъ?

— То-то и оно! — отвѣтилъ наймитъ. — Кабы такъ на меня, то даромъ, что я воевалъ со всякимъ бусурманскимъ народомъ и имѣю медаль, — а ни за какіе-бы, кажется, карбованцы не поѣхалъ. Сидѣлъ-бы себѣ въ хатѣ, — небось, изъ хаты не выхватитъ.

— А почему? Если ужь кого схватитъ, то схватитъ и въ хатѣ. Почему въ хатѣ нельзя?

— Почему?.. Чудно и спрашивать, почему. Если вамъ нужно выбрать шапку или хоть рукавицы, вы куда за ними пойдете?

— Да никуда, какъ въ лавку.

— А почему въ лавку?

— Вотъ еще! Потому, что въ лавкѣ шапокъ видимо-невидимо.

— Вотъ то-то и оно. Посмотрѣли-бы вы теперь въ синагогѣ: тамъ тоже жидовъ видимо-невидимо! Толкутся, плачутъ, кричатъ такъ, что по всему городу слышно, отъ заставы и до заставы. А гдѣ толкунъ мошкары толчется, туда и птица летитъ. Дуракъ-бы былъ и Хапунъ, если-бы сталъ, вмѣсто того, по лѣсамъ, да по селамъ рыскать и высматривать. Ему только одинъ день въ году и дается, а онъ-бы его такъ весь и пролеталъ понапрасну. Еще въ которой деревнѣ есть жидъ, а въ которой, можетъ, и не найдется.

— Ну, такихъ мало.

— Хоть мало, а все-таки... Притомъ, изъ многолюдства и выбирать много лучше.

Оба замолчали. Мельникъ подумалъ, что опять его наймитъ зашибъ хитрыми словами, и ему стало опять непріятно. А изъ оконъ все неслись жужжаніе, и плачъ, и причитаніе жидовъ.

— Можетъ, батька отмаливаютъ? — сказалъ мельникъ.

— А все можетъ быть.

— Да это еще правда-ли? — заговорилъ мельникъ, которому захотѣлось и наймита подразнить, да и жида, по человѣчеству, стало-таки немного жалко. — Можетъ, такъ люди брешутъ! Одинъ дурень сбрехнетъ, а другой и повѣритъ.

Наймиту эти слова не понравились.

— Это бываетъ, — сказалъ онъ, — иной человѣкъ такъ языкомъ и ляпнетъ безъ всякаго толку... Вотъ хоть-бы и вы на этотъ разъ: развѣ это я самъ выдумалъ, или мой отецъ, или сватъ, когда это извѣстно всему крещоному народу?

— А вы-жь сами видѣли? — задорно спросилъ мельникъ, котораго тоже ухватили за сердце презрительныя наймитовы слова.

А надо вамъ знать, что мельникъ, когда входилъ въ азартъ, то говаривалъ иногда, что не хочетъ знать самого чорта, пока его ему не покажутъ вотъ такъ, какъ на ладони. А теперь онъ какъ разъ былъ въ самомъ азартѣ.

— А вы-жь, — говоритъ — сами видѣли? А когда не видали, то и не говорите, что оно есть, вотъ что!

Наймитъ, хоть и отставной солдатъ и человѣкъ бойкій, а тутъ спустилъ маленько голосу и даже что-то закашлялся. Ну, да не такой — волкъ его заѣшь! — и онъ человѣкъ былъ, чтобы совсѣмъ спасовать.

— Лгать не стану, — говоритъ, — самъ никогда не видѣлъ. А вы, господинъ мельникъ, когда-нибудь Кіевъ видѣли?

— Нѣтъ, не видѣлъ, тоже лгать не буду.

— А онъ-таки есть, хоть вы его и не видали!

Тутъ мельникъ на такое ясное слово совсѣмъ вылупилъ глаза.

— Вотъ что правда, то правда, — согласился онъ, — таки Кіевъ есть, хоть я его не видалъ... Видно, надо вѣрить, когда добрые люди говорятъ. Я, видите, того... я хотѣлъ спросить, отъ кого-жь вы слышали?

— Ба! отъ кого? А вы отъ кого про Кіевъ слыхали?

— Тю-тю! Вотъ-же и языкъ у васъ, такъ языкъ! Чистая бритва, чтобъ ему отсохнуть!

— Нечего моему языку отсыхать, а вы лучше

вѣрьте людямъ, если уже всѣ люди говорятъ. Если всѣ говорятъ, то значитъ это правда. А не была-бы это правда, то всѣ не говорили-бы, а говорили-бы одни только брехуны, вотъ что!

— Ты-тю-тю!.. Да остановись ты хоть на одну минуту! А то долбитъ словами по башкѣ, какъ макогономъ по ступѣ. Я-жь уже и самъ вижу, что не въ тотъ переулокъ завернулъ... А только, видишь ты, я-бъ хотѣлъ знать, откуда она взялась, такая людская намолвка...

— А оттуда и взялась, что это каждый годъ бываетъ. Что бываетъ, о томъ и люди говорятъ, а чего не бываетъ, о томъ и говорить не стоитъ...

— А, вотъ человѣкъ какой! Да нѣтъ, погоди, я таки схвачу твою рѣчь за хвостъ, а то вертится, какъ дурная кобыла на топчакѣ. Скажи-же ты мнѣ, наконецъ, что-жъ такое бываетъ, вотъ что!

— Эге-ге! такъ видно вы и этого не знаете, что бываетъ въ судный день?..

— Зналъ, то-бъ и не спрашивалъ. Слышу давно, — люди болтаютъ, вотъ какъ и ты: Хапунъ, Хапунъ, а въ какой разумъ это говорится, и не знаю.

— Такъ-бы сразу и говорили, что не знаю, я-бъ вамъ давно и разсказалъ, а то не люблю я такихъ гордыхъ людей; ему надо горѣлки, такъ онъ прежде о водѣ заговариваетъ: «вотъ-бы и выпилъ воды, да не вкусна». Если хочете знать, такъ я и разскажу, потому что я побывалъ-таки на свѣтѣ, не то что вы, домосѣды. Я и въ городѣ живалъ не по одному году, и у жидовъ не первый разъ служу.

— А не грѣхъ тебѣ? — усомнился мельникъ.

— Другому кому грѣхъ, а солдату все можно! Намъ такая и бумага выдается.

— Развѣ что бумага...

Послѣ этого уже солдатъ разсказалъ мельнику

дружелюбно всю правду про Хапуна и про то, какъ онъ въ этотъ день ежегодно хватаетъ по одному жиду.

Хапунъ, надо и вамъ сказать, когда и вы, какъ мельникъ, этого не знаете, есть особенный такой жидовскій чортъ. Онъ, скажемъ, во всемъ остальномъ похожъ и на нашего чорта, такой-же черный и съ такими-же рогами, и крылья у него — какъ у здоровеннаго нетопыря [*]; только носитъ пейсы, да ермолку и силу имѣетъ надъ одними жидами. Повстрѣчайся ему нашъ братъ, христіанинъ, хоть о самую полночь, гдѣ-нибудь въ пустырѣ или хоть надъ самымъ омутомъ, онъ только убѣжитъ, какъ пугливая собака. А надъ жидами дается ему воля: каждый годъ выбираетъ себѣ по одному и уноситъ...

Для этого-то вотъ выбора и назначается *іомъ-кипуръ*, судный день. Жиды задолго уже до того дня молятся, плачутъ, рвутъ на себѣ одежду и даже головы зачѣмъ-то обсыпаютъ золой изъ печки. Передъ вечеромъ всѣ моются въ рѣчкѣ или на ставахъ [**], а какъ зайдетъ солнце, — идутъ бѣдняки въ свою школу [***] и ужь какой оттуда крикъ слышится, такъ не приведи Богъ: всѣ орутъ въ голосъ, а глаза отъ страха закрываютъ... А уже въ это время, какъ только небо погаснетъ и станетъ на немъ вечерняя звѣзда, Хапунъ вылетаетъ изъ своего мѣста и вьется надъ «школой», и въ окна бьетъ крыломъ, и высматриваетъ себѣ добычу. Но вотъ когда уже настоящій страхъ нападаетъ на жидовъ, такъ это въ самую полночь. Они нарочно зажигаютъ всѣ свѣчи, чтобы не было такъ жутко, падаютъ всѣ на полъ и

---

[*] *Нетопырь:* родъ млекопитающихъ, летающихъ животныхъ; малоросы такъ называютъ летучихъ мышей.

[**] *Ставъ* — прудъ.

[***] Простой народъ въ Юго западномъ краѣ называетъ синагоги *школами.*

начинаютъ кричать, какъ будто ихъ кто рѣжетъ. И когда они такъ лежатъ и надрываются, Хапунъ, какъ большой воронъ, влетаетъ въ горницу; всѣ слышатъ, какъ отъ его крыльевъ холодъ идетъ по сердцамъ, а тотъ, котораго онъ высмотрѣлъ ранѣе, чувствуетъ, какъ въ его спину впиваются чортовы когти. А! разсказывать объ этомъ, и то даже морозъ по-за шкурой пройдетъ, а каково-то бѣдному жиду!.. Само собою, — кричитъ во все горло. Ну, да кто тутъ услышитъ, когда и всѣ тоже галдятъ, какъ сумасшедшіе? А можетъ кто изъ сосѣдей и слышитъ, такъ что-жь тутъ дѣлать, — радъ, что не ему выпала злая доля!..

Наймитъ Харько самъ слыхалъ не одинъ разъ, какъ послѣ того въ мѣстечкѣ разносился звукъ трубы, да такой звонкій, жалобный и протяжный... Это служка изъ школы на прощаніе трубитъ вдогонку своему бѣдному брату, между тѣмъ какъ другіе надѣваютъ въ передней «патынки» (потому что въ школу входятъ въ однихъ чулкахъ) и тихо расходятся по домамъ. Видѣлъ также Харько, какъ они останавливались кучками противъ мѣсяца и бормотали что-то, и подымались на цыпочки, глядя въ ночное небо... А въ это время, когда уже всѣ до одного разойдутся, на полу въ передней комнатѣ сиротливо стоитъ себѣ еще пара «патынковъ» и ждетъ своего хозяина... Э! сколько-бы ни ждала, никогда не дождется, потому что въ этотъ часъ надъ полями и лѣсами, надъ горами, ярами и долинами Хапунъ тащитъ хозяина патынковъ по воздуху, взмахивая крыльями и хоронясь отъ христіанскаго глаза... Радъ, проклятый, когда ночь выпадетъ облачная, да темная. А ежели тихая, да ясная, какъ вотъ сегодня, что мѣсяцъ свѣтитъ изо всѣхъ силъ, то, пожалуй, напрасно чертяка и труды принималъ...

— А почему? — спросилъ у наймита мельникъ и испугался самъ, какъ-бы говорливый Харько не началъ

его долбить за это укоризненными словами. Но тотъ на этотъ разъ отвѣтилъ спокойно:

— А потому, что вотъ видите вы: стòитъ любому, даже и не хитрому крещоному человѣку, хотъ-бы и вамъ, напримѣръ, крикнуть чертякѣ: «Кинь! Это мое!» — онъ тотчасъ же и выпуститъ жида. Затрепыхаетъ крылàми, закричитъ жалобно, какъ подстрѣленный шулякъ [*], и полетитъ себѣ дальше, оставшись на весь годъ безъ поживы. А жидъ упадетъ на землю. Хорошо, если невысоко падать, или угодить себѣ въ болото, на мягкое мѣсто. А то, все равно, пропадетъ безъ всякой пользы... Ни себѣ, ни чорту!

— Вотъ такъ штука! — сказалъ мельникъ въ раздумьи и со страхомъ поглядѣлъ на небо, съ котораго мѣсяцъ, дѣйствительно, свѣтилъ изо всей мочи. Небо было чисто и только между луною и лѣсомъ, чтò чернѣлся вдали за рѣчкой, проворно летѣло небольшое облачко, какъ темная пушинка. Облако, какъ облако, но вотъ что показалось мельнику немного странно: кажись, и вѣтру нѣтъ, и листъ на кустахъ стоитъ — не шелохнется, какъ заколдованный, а облако летитъ, какъ птица, и прямо къ городу.

— А поглядите-ка... что я вамъ покажу, — сказалъ мельникъ наймиту.

Тотъ вышелъ изъ шинка и, опершись спиной о косякъ, сказалъ хладнокровно:

— Ну, такъ что-жь? Нашли что показывать: облакъ, такъ и облакъ! А Богъ съ нимъ...

— Да вы поглядите-ка еще, — вѣтеръ есть?

— Та-та-та-а... Вотъ оно что! — догадался наймитъ. — И прямо въ городъ мандруетъ...

И оба почесали затылки, задравши головы кверху.

---

[*] Коршунъ.

А изъ оконъ попрежнему неслось жидовское жужжаніе, виднѣлись желтыя, вытянутыя лица, шапки на затылкѣ, закрытые глаза, неподвижныя губы... Жиденята плакали, надрывались, и опять мельнику показалось, что кто-то другой внутри ихъ плачетъ и молитъ о чемъ-то невѣдомомъ, давно-давно утраченномъ и на половину уже позабытомъ...

— А! пора и домой, — очнулся мельникъ. — А я-было хотѣлъ грѳши Янкелю отдать...

— Можно. Я принимаю за нихъ, — сказалъ на это наймитъ, глядя въ сторону.

Но мельникъ притворился, что не слыхалъ этихъ словъ. Деньги были не такія маленькія, чтобы вотъ такъ, просто, отдать какому-нибудь наймиту, да еще пройди-свѣту, отставному солдату. Съ такими деньгами онъ, пожалуй, взялъ-бы себѣ, какъ говорится, ноги за поясъ, да и убрался-бы не только изъ села, а даже изъ губерніи. Ищи потомъ вѣтра въ чистомъ полѣ.

— Прощайте-ка, — сказалъ поэтому мельникъ.

— Прощайте и вы! А деньги я-таки принялъ-бы.

— Не безпокойте себя: отдамъ и самому.

— Это какъ себѣ хотите. А взять и я взялъ-бы, безпокойство не большое. Ну, пора ужь и шинокъ запирать. Видно, кромѣ васъ, никакая собака уже не завернетъ сегодня.

Наймитъ опять почесалъ себѣ о косякъ спину, посвисталъ какъ-то несовсѣмъ пріятно вслѣдъ мельнику и сталъ запирать двери, на которыхъ были намалеваны бѣлою краской кварта, рюмка и жестяной крючокъ (шкаликъ). А мельникъ спустился съ пригорочка и пошелъ вдоль улицы, въ своей бѣлой свиткѣ, а за нимъ опять побѣжала по землѣ черная-пречерная тѣнь.

Но теперь мельникъ раздумывалъ уже не о своей тѣни, а совсѣмъ-таки о другомъ...

———

II.

Мельникъ прошелъ не болѣе десяти саженъ, какъ въ садочкѣ по-за тыномъ что-то зашуршало и зашумѣло, будто вспорхнули двѣ большія птицы. Но это были не птицы, а какой-то парубокъ съ дѣвкой, испуганные тѣмъ, что мельникъ сразу вышелъ изъ тѣни. Впрочемъ, парубокъ, видно, былъ не изъ страшливыхъ: отойдя еще подальше въ тѣнь, такъ что едва бѣлѣли подъ вишнями двѣ фигуры, онъ крѣпкою рукой придержалъ всполохнувшуюся дѣвушку и опять повелъ тихія рѣчи. А пройдя еще немного, мельникъ услышалъ что-то такое, что даже остановился отъ большой досады...

— А ты, — не знаю какъ тебя, — подождалъ-бы хоть цѣловаться, — сказалъ онъ. — А то чмокаешь такъ, какъ соловей въ кусточкахъ, — сказалъ онъ, подойдя къ самому тыну.

— А тебѣ, собачій сынъ, надо въ чужія двери свой носъ совать? — отвѣтилъ парубокъ изъ тѣни. — Такъ вотъ погоди, я и тебя поцѣлую дручкомъ по ногамъ. Будешь впередъ знать, какъ людямъ дѣлать помѣху...

— Ну-ну! — сказалъ мельникъ, отходя. — Подумаешь, какую важную работу дѣлаетъ... Да и подлый-же какой-то парубокъ, какъ чмокаетъ, даже человѣку стало какъ будто завидно.

Онъ постоялъ, подумалъ, почесалъ въ головѣ и потомъ, привернувши къ сторонкѣ, занесъ ногу черезъ тынъ и пошелъ огородомъ ко вдовиной избушкѣ, что стояла немного поодаль, край села, подъ высокою топо̀лей... Хатка была малюсенькая, да еще сгорбилась и похилилась къ землѣ. Оконце было такое крохотное, что его, пожалуй, трудно было-бы и разглядѣть, будь ночь сколько-нибудь потемнѣе. Но теперь хатка вся такъ и

горѣла отъ мѣсячнаго свѣта, солома на ней казалась золотая, а стѣна серебряная, и оконце чернѣло на стѣнѣ, какъ прищуренный глазъ. Огня въ окнѣ не было. Должно быть, у старухи съ дочкой нечѣмъ было вечерять, не зачѣмъ было и свѣтить. Мельникъ постоялъ, потомъ тихонько стукнулъ два раза въ оконце и отошелъ къ сторонкѣ.

Недолго еще и постоялъ, какъ двѣ полныя дѣвичьи руки крѣпко обвились вокругъ его шеи, а межь усовъ такъ даже загорѣлось что-то, какъ приникли къ мельниковымъ устамъ горячія дѣвичьи губы. Э, что тутъ разсказывать! Если васъ кто такъ цѣловалъ, то вы и сами знаете, а если никогда съ вами ничего такого не было, то не стòитъ вамъ и говорить.

— Филиппко мой, милый, желанный! — говорила, ласкаясь, дѣвушка, — пришелъ-таки... А я ужь ждала-заждалась, думала изсохну безъ тебя, какъ та былинка безъ воды...

«Э, не изсохла-таки, слава тебѣ, Господи! — подумалъ про себя мельникъ, прижимая рукой не очень-то худощавый станъ дѣвушки. — Слава Богу, еще ничего».

— Когда-же рушники готовить будемъ? — заговорила дѣвушка, все еще держа руки на плечахъ Филиппа и обдавая его горячимъ взглядомъ, какъ осенняя ночь, черныхъ очей. — Вѣдь, ужь скоро Филипповки.

Эта рѣчь пришлась мельнику не такъ по вкусу, какъ дѣвичъи поцѣлуи. «Видишь ты, куда гнетъ, — подумалъ онъ про себя. — Эхъ, Филиппъ, Филиппъ, задастъ она тебѣ теперь потасовку». Но, все-таки, набравшись храбрости и отведя свои глаза въ сторону, онъ промолвилъ:

— Э, какая ты, Галю, лàсая. Сейчасъ тебѣ и рушники. Какъ-же это можно, когда я теперь самъ

мельникъ и скоро, можетъ, стану первый богатырь (богачъ) на селѣ, а ты — бѣдная вдовина дочка?

Дѣвку шатнуло отъ того слова, будто ее ужалила змѣя. Она отскочила отъ Филиппа и схватилась рукою за сердце.

— А я думала... охъ, бѣдная-жь моя голова!.. Такъ чего-жь это ты, подлый человѣкъ, стучалъ въ оконце?

— Эге! — отвѣтилъ мельникъ, — чего стучалъ... А что-же мнѣ и не стучать, если твоя мать должна мнѣ деньги? А тутъ ты выскочила, да прямо цѣловаться. Что-жь мнѣ... Я тоже умѣю цѣловаться не хуже людей!

И онъ опять протянулъ къ ней руку, но только-что его рука коснулась дѣвичьяго стана, какъ станъ этотъ вздрогнулъ, будто дѣвку ужалила гадюка.

— Геть! — крикнула она такъ сердито, что мельникъ попятился назадъ. — Я тебѣ не бумажка рублевая, что ты меня хватаешь, будто свою. Вотъ подойди еще, я тебя такъ огрѣю, что ты послѣ того забудешь ласовàть на три года...

Мельникъ растерялся.

— Вотъ какая горячка! А что я, прости Господи, жидъ, что-ли, тебѣ дался, что ты вотъ такъ паскудно лаешься?

— А то не жидъ, что-ли? За полтину уже рубль наростилъ, да еще тебѣ мало: ко мнѣ полѣзъ за процентами. Геть! — говорю тебѣ, — постылый!

— Ну, дѣвка! — сказалъ мельникъ, опасливо закрывая лицо ладонью, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не засвѣтила кулакомъ. — Я вижу, съ тобой умному человѣку и говорить нельзя. Ступай, посылай сюда мать!

Но старуха уже и безъ того вышла изъ хаты и низко кланялась мельнику. Тому это больше понравилось, чѣмъ разговоръ съ дочкой. Онъ подбоченился и его черная тѣнь на стѣнѣ такъ задрала

голову, что мельникъ и самъ уже подумалъ, какъ это у нея не свалится шапка.

— А знаешь ты, старая, зачѣмъ я это пришелъ? — говоритъ мельникъ старухѣ.

— Охъ, какъ мнѣ бѣдной не знать! Видно, ты пришелъ за моими деньгами...

— Хе! не за твоими, старая, — засмѣялся мельникъ, — а за своими собственными. Я-жь не разбойникъ какой, чтобы по ночамъ за чужими деньгами въ чужой домъ приходить.

— Вотъ же таки за чужими и пошелъ, — задорно сказала Галя, взявшись въ боки и наступая на мельника, — не за своими же!

— Фу, скажѐнная * дѣвка! — сказалъ тутъ мельникъ, отступивши еще шага на два. — Ей-Богу, такой скажѐнной дѣвки во всемъ селѣ не сыщется. Да не то что въ селѣ, а и во всей губерніи. Ну, подумай ты, какое слово сказала! Да не будь вотъ тутъ одна твоя мать, что, пожалуй, и не пойдетъ въ свидѣтели, такъ я бы тебя въ судъ потянулъ за безчестье! Эй, одумайся ты хоть немного, дѣвка!

— А что мнѣ одуматься, когда это чистая правда?

— Какая-жь это правда, когда старая у меня брала, да и не выплатила?

— Брешешь, брешешь, какъ рудая собака! Когда былъ еще подсыпкой **, да со мной женихался, хотѣлъ въ домъ идти, и не говорилъ, что назадъ потребуешь. А какъ дядько померъ, да самъ ты сталъ мельникомъ, такъ весь долгъ уже перебралъ и еще тебѣ мало?

— А мука?

— Ну, что мука?.. За муку сколько слѣдовало?

---

* Сумасшедшая.

** *Подсыпка* — работникъ на мельницѣ, засыпающій зерно на жернова.

— По копѣ *, вотъ сколько! Дешевле никто не отдастъ, хоть куда хочешь поѣзжай, хоть себя отдай въ придачу.

— А съ насъ ты сколько уже перебралъ?

— Тю-тю, куда махнула! Языкъ у тебя тоже... не хуже Харька. Да и я-жъ тебѣ на то отвѣчу: а проценты? Ну, что взяла?

Но Галя уже ничего не отвѣчала. Съ дѣвками оно часто такъ бываетъ: говоритъ-говоритъ, лопочетъ-лопочетъ, какъ мельница на всѣхъ поставахъ, да вдругъ и станетъ... Подумаешь, воды не хватило... Такъ гдѣ! Какъ разъ полились рѣкой горькія слезы и отошла въ сторону, все утирая глаза широкимъ рукавомъ бѣлой сорочки.

— Отъ такъ! — сказалъ мельникъ, чуть-чуть растерявшись, а все-таки довольный. — Чего-бъ это я кидался на людей. Не лаялась бы, такъ нечего бы и плакать.

— Молчи, молчи, молчи ты, постылая тварюка!

— Молчи же и ты, когда такъ!

— Молчи уже, молчи, моя доню, — прибавила старая мать, тяжко вздохнувши. Старуха боялась, видно, разсердить мельника. Видно, у старухи нечѣмъ было заплатить въ этотъ срокъ.

— Не стану молчать, мамо, не стану, не стану! — отвѣтила дѣвушка, точно въ мельницѣ опять пошли ворочаться всѣ колеса. — Вотъ же не стану молчать, а коли хотите вы знать, то еще и очи ему выцарапаю, чтобы не смѣлъ на меня славу напрасно наводить, да въ окна стучать, да цѣловаться!.. Зачѣмъ стучалъ, говори, а то какъ хвачу за чуприну, то не погляжу, что ты мельникъ и богатырь. Небось, прежде не гордился, самъ

---

* *Копа* въ малороссійскомъ счетѣ значитъ 60. *Копа* грошей – 30 копѣекъ.

женихался, да ласковыми словами сыпалъ. А теперь ужь носъ задралъ, что и шапка на макушкѣ не удержится!

— Ой, доню, молчи уже, моя смирная сиротинка! — сокрушенно вздохнувъ, опять промолвила старуха. — А вы, панъ мельникъ, не взыщите на глупой дѣвкѣ. Молодой разумъ съ молодымъ сердцемъ — что молодое пиво на хмѣлю: и мутно, и бурлитъ. А устоится, такъ станетъ людямъ на усладу.

— А мнѣ что? — сказалъ мельникъ. — Мнѣ отъ нея ни горечи, ни услады не нужно, потому что я вамъ не ровня. Мнѣ мои деньги подай, старая, то я на вашу хату и глядѣть не стану.

— Охъ, нѣтъ же у насъ! Подожди еще, заработаемъ съ дочкой вдвоемъ, то и отдамъ. Охъ, горе мое, Филиппушка, и съ тобою, и съ нею. Ты-жь самъ знаешь, я тебя какъ сына любила, не думала, не гадала, что ты съ меня, старой, тѣ долги поверстаешь да еще съ процентами... Хоть бы дочку, что ли, замужъ отдать, и женихи есть добрые, — такъ вотъ не идетъ же ни за кого, хоть ты что хочешь. Съ тѣхъ поръ, какъ ты съ нею женихался, будто заворожилъ дѣвку. Лучше, говоритъ, меня въ сырую землю живую закопайте. Дурная и я была, что позволяла вамъ до зори вотъ тутъ простаивать... Ой, лихо мнѣ!..

— А какъ же мнѣ быть? сказалъ мельникъ. — Ты, старая, этихъ дѣлъ не понимаешь: у богатаго человѣка расходъ большой. Вотъ я жиду долженъ, такъ отдаю, — отдавайте и вы мнѣ.

— Подожди еще хоть съ мѣсяцъ.

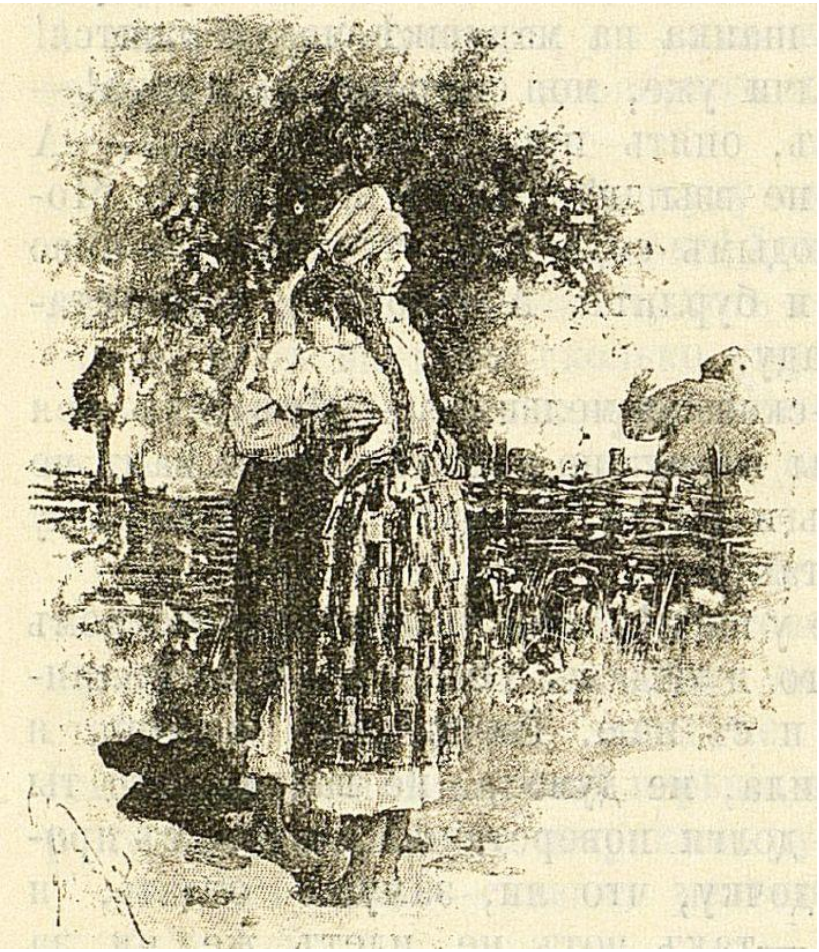
Мельникъ поскребъ въ головѣ и подумалъ. Маленько-таки разжалобила его старуха, да и Гàлина узорная сорочка недалеко бѣлѣла.

— А я, смотри, за это еще десять грошей накину, — сказалъ онъ. — Лучше отдала бы.

— Что-жъ дѣлать? Видно моя доля такая, —

вздохнула старуха.

— Ну, значитъ, такъ оно и будетъ. Я не жидъ, я-таки добрый себѣ человяга. Другой бы, ужь я вѣрно знаю, накинулъ бы двадцатку, а я накину десять грошиковъ и подожду еще до Филипповокъ. Да смотри, тогда уже стану жаловаться въ правленіи.



И онъ, не поклонившись, повернулся и пошелъ

себѣ за околицу, даже не оглядываясь на избушку, у которой долго еще бѣлѣла узорная сорочка, бѣлѣла на черной тѣни подъ вишеньемъ какъ бѣлесая звездочка, — и нельзя было мельнику видѣть, какъ плакали черныя очи, какъ тянулись къ нему бѣлыя руки, какъ вздыхала дѣвичья грудь.

— Не плачь, долю, не плачь, ясочко, — говорила, старая Прися, — Не плачь, видно такая Божія воля.

— Охъ, мамо, мамо, хоть бы дала ты мнѣ очи ему выцарапать! Можетъ, мнѣ стало бы легче...

III.

Послѣ этого мысли мельника стали какъ-то еще скучнѣе.

— Вотъ, что-то все не такъ идетъ на этомъ свѣтѣ, — думалъ онъ про себя. — Какъ-то человѣку все бываетъ непріятно, а отчего — и не придумаешь... Вотъ, теперь дѣвка прогнала... Жидомъ назвала, эге-ге!.. Кабы я былъ жидъ, да имѣлъ такія деньги, да торговлю... да развѣ такъ сталъ бы я жить, какъ теперь? Нѣтъ, не такъ! Теперь что и за жизнь моя: работай на мельницѣ самъ, ночь не доспи, днемъ не доѣшь; гляди за водой, чтобъ не утекла, гляди за камнемъ, гляди за валомъ, гляди на валу за шестернями, гляди на шестерняхъ за пальцами, чтобы не повыскочили, да чтобы забирали ровно... Э, гляди еще и за проклятымъ работникомъ-подсыпкой. Развѣ можно положиться на наймита? Только уйди на минуту, сейчасъ и онъ, подлый человѣкъ, куда-нибудь къ дѣвкамъ утреплется... А, собачья жизнь мельника, просто-таки собачья! Правда, съ тѣхъ поръ, какъ дядько — царствіе ему небесное! — убухался съ пьяныхъ глазъ въ омутъ, — сталъ я самъ

хозяинъ и деньжонки-таки стали заглядывать въ мои карманы... Такъ опять что въ нихъ? За рублемъ какимъ-нибудь ходишь-ходишь, ругаютъ тебя и за глаза, да и въ глаза не стыдятся, а много ли прибытку? — пустяки! Никогда крещоному человѣку не перепадетъ столько, какъ жиду. Вотъ когда бы еще жида унесла нелегкая изъ села, тогда, пожалуй, можно бы и развернуться. Ни къ кому не пошли бы, какъ ко мнѣ, и за копѣйкой, когда надо на подати, и за товаромъ. Ге! можно бы и шиночекъ, пожалуй, открыть... А на мельницѣ или бы кого посадилъ, или хоть продалъ бы. Ну ее! Какъ-то все человѣкъ еще не человѣкъ, пока работаетъ. То ли дѣло, когда отъ грошика грошикъ самъ родится. Этого только дуракъ не понимаетъ... Заведи себѣ пару свиней; глядишь — свинья звѣрь плодущій — черезъ годъ ужь чуть не стадо! Такъ вотъ и деньги: пускаешь ихъ по глупымъ людямъ. будто на пастбище, только не зѣвай, да умѣй опять согнать по времени: отъ гроша родится десять грошей, отъ карбованца — десять карбованцевъ...

Тутъ мельникъ вышелъ уже на самый гребень дороги, откуда начинался пологій спускъ къ рѣкѣ. Впереди уже слышно было, — такъ, чуть-чуть, когда подыхивалъ ночной вѣтерокъ, какъ сонная вода звенитъ въ лотòкахъ [*]. А сзади, оглянувшись еще разъ, мельникъ увидѣлъ спящее въ садахъ село и подъ высокими тополями маленькую вдовину хатку... Онъ остановился и подумалъ немного, почесывая въ головѣ.

— Э, дуракъ я былъ-бы! — сказалъ онъ, наконецъ, пускаясь въ дальнѣйшій путь. — Пожалуй, не выдумай дядько въ ту ночь, напившись наливочки, залѣзть въ омутъ, — теперь меня-бы ужь окрутили съ Галею, а она вотъ мнѣ и неровня. Эхъ, и сладко-же, правда, целуется эта дѣвка, у-у какъ сладко!.. Вотъ и

[*] *Лотоки* — малороссы такъ называютъ лопасти мельничнаго колеса.

говорю, что какъ-то все не такъ дѣлается на этомъ свѣтѣ. Еслибъ къ этакому личику да хорошее приданое... ну, хоть такое, какъ кодненскій Макогоненко даетъ за своею Мотрей... Э, что ужь тутъ и говорить!..

Онъ кинулъ изъ-подъ горы послѣдній взглядъ назадъ, когда на селѣ раздался вдругъ ударъ колокола. Что-то какъ будто упало съ колокольни, что виднѣлась среди села, на горочкѣ, и полетѣло, звеня и колыхаясь надъ полями...

— Эге, это уже, видно, становится на свѣтѣ полночь, — подумалъ онъ про себя и, зѣвнувъ во всю глотку, сталъ быстро спускаться подъ гору, думая опять о своемъ стадѣ. Ему такъ и видѣлись его карбованцы *, какъ они, точно живые, ходятъ по разнымъ рукамъ, въ разныхъ дѣлахъ, и все пасутся себѣ, и все плодятся. Онъ даже засмѣялся, представивши, какъ разные дурни думаютъ, что стараются для себя. А придетъ срокъ, и онъ, хозяинъ стада, опять сгонитъ его въ свой кованый сундукъ, вмѣстѣ съ приплодомъ.

И все это были мысли пріятныя. Только воспоминаніе о жидѣ опять испортило эти пріятныя мысли. Мельнику стало скучно, что жидъ захватилъ себѣ всѣ пастбища, и его бѣднымъ карбованцамъ нечѣмъ кормиться, негдѣ плодиться, точно стаду барановъ на выгонѣ, гдѣ уже побывали жидовскія козы... Тутъ ужь, извѣстно, не раскормишься!..

— Э, чтобъ его чертяка забралъ, проклятаго! — подумалъ мельникъ, и ему показалось, что вотъ это самое и есть то, отчего ему такъ скучно... Вотъ это самое только и есть плохое на свѣтѣ. Проклятые жиды мѣшаютъ крещоному человѣку собирать свой доходъ...

Тутъ, въ половинѣ горы, гдѣ тихій и будто сонный шумъ воды въ лотокахъ слышался уже безъ

---

* *Карбованецъ* - серебряный рубль.

перерывовъ, — мельникъ вдругъ остановился, какъ вкопанный, и ударилъ себя ладонью по лбу.

— Ба, вотъ была-бы штука!.. Право, хорошая штука была-бы, ей-Богу! Вѣдь нынче какъ разъ судный день. Что, еслибъ жидовскому чорту полюбился какъ разъ нашъ шинкарь Янкель?.. Да гдѣ! Не выйдетъ. Мало-ли тамъ, въ городѣ, жидовъ? Къ тому-же еще Янкель — жидище грузный, старый, да костистый, какъ ершъ. Что въ немъ толку? Нѣтъ, не такой онъ, мельникъ, счастливый человѣкъ, чтобы Хапунъ выбралъ себѣ изъ тысячи какъ разъ ихняго Янкеля.

На минуту въ головѣ мельника, какъ безпокойные муравьи, закопошились другія мысли:

— Эхъ, Филиппъ, Филиппъ! Нехорошо и думать такое крещоному человѣку, что ты себѣ теперь думаешь. Опомнись! Вѣдь у Янкеля останутся дѣти, будетъ кому долгъ отдать... А второе-таки и грѣшно. — Янкель тебѣ худого не дѣлалъ. Можетъ, другимъ и есть за что поругать стараго шинкаря, такъ вѣдь съ другихъ-то и ты самъ не прочь взять лихву...

Но на эти непріятныя мысли, что стали-было покусывать его совѣсть, какъ собачонки, мельникъ выпустилъ другія, еще посердитѣе:

— Все таки, жидюга, такъ жидюга, не ровня-же крещоному человѣку. Если я и беру лихву, — ну, и беру, этого нельзя сказать, что не беру, — такъ вѣдь лучше-же, я думаю, отдать процентъ своему брату, крещоному, чѣмъ некрещоному жиду.

Въ эту минуту и ударило въ послѣдній разъ на колокольнѣ.

Должно быть, звонарь, Иванъ Кадило, заснулъ себѣ подъ церковью и дергалъ веревку спросонокъ, — такъ долго вызванивалась полночь. За то въ послѣдній разъ, обрадовавшись концу, онъ бухнулъ такъ здорово, что мельникъ даже вздрогнулъ, когда звонъ загудѣлъ

изъ-за горы, надъ его головой, и понесся черезъ рѣчку, надъ лѣсомъ, въ далекія поля, по которымъ вьется дорога къ городу...

— Вотъ теперь уже всѣ спятъ на свѣтѣ, — подумалъ про себя мельникъ, и что-то его ухватило за сердце. — Всѣ спятъ себѣ, кому гдѣ надо, только жиды толкутся и плачутъ въ своей школѣ, да я стою вотъ тутъ, какъ непогребенная душа, надъ омутомъ и думаю нехорошее...

И показалось ему въ тотъ часъ все какъ-то странно... «Слышу, говоритъ, что это звонъ затихаетъ въ полѣ, а самому кажется, будто кто невидимка бѣжитъ по шляху * и стонетъ... Вижу, что лѣсъ за рѣчкой стоитъ весь въ росѣ и свѣтится роса отъ мѣсяца, а самъ думаю: какъ-же это его въ лѣтнюю ночь задернуло морознымъ инеемъ? А какъ вспомнилъ еще, что въ омутѣ дядько утопъ, — а я не мало-таки радовался тому случаю, — такъ и совсѣмъ оробѣлъ. Не знаю — на мельницу идти, не знаю — тутъ ужь стоять»...

— Гаврило! Эй, Гаврило! — крикнулъ онъ тутъ подсыпкѣ-работнику. — Такъ и есть, на мельницѣ пусто, а онъ, лодырь, опять помандровалъ на село, къ дѣвкамъ.

Вышелъ Филиппъ на свѣтлое мѣсто, на середину плотины. Слышитъ: вода просасывается въ шлюзахъ, а ему кажется, что это кто-то крадется изъ омута и карабкается на колеса...

— Э, лучше пойду-таки спать, — подумалъ онъ про себя... Только прежде еще разъ оглянулся.

Мѣсяцъ давно перебрался уже черезъ самую верхушку неба и смотрѣлся въ воду... Мельнику показалось удивительно, какъ это хватаетъ въ его маленькой рѣчкѣ столько глубины — и для мѣсяца, и для синяго неба со всѣми звѣздами, и для того маленькаго

---

* *Шляхъ* – путь, дорога.

темнаго облачка, которое, однако, несется, легко и быстро, какъ пушинка, по направленію изъ города.

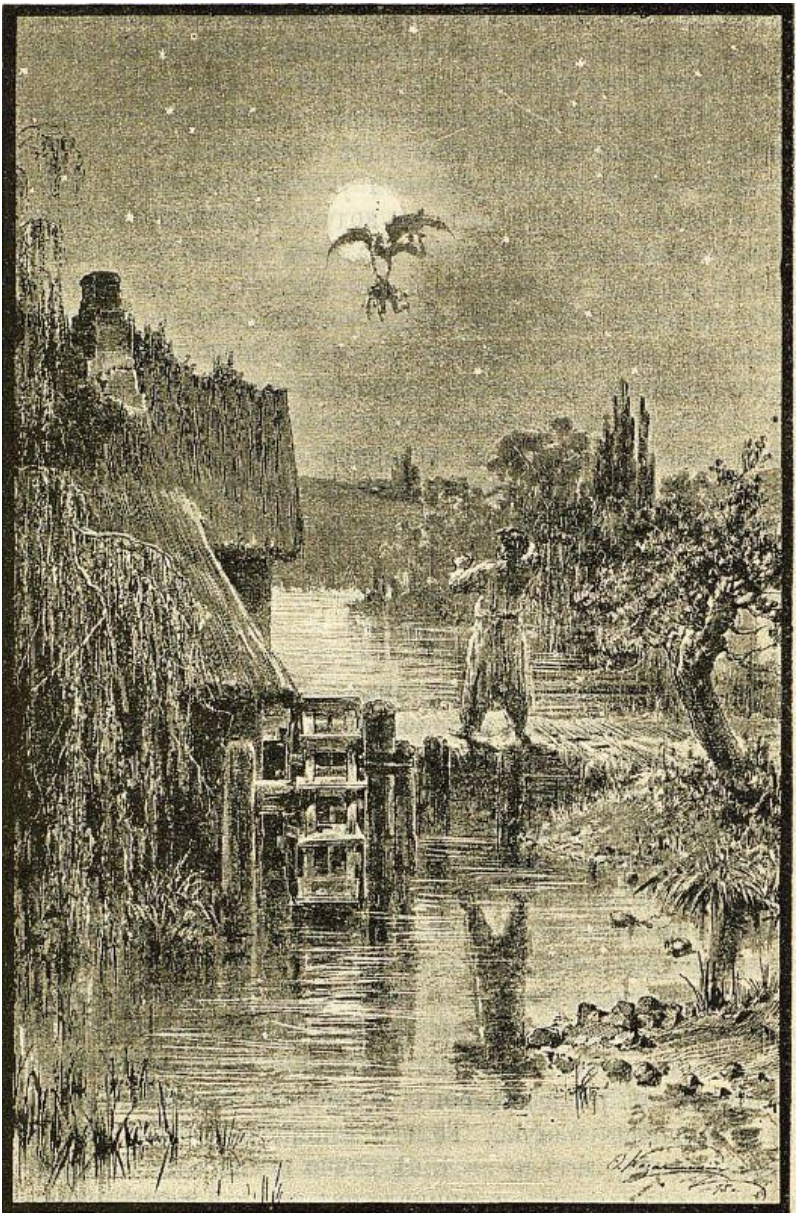
Но такъ какъ глаза его уже слипались, то удивлялся онъ не долго и, отворивъ отмычкой наружную дверь и запершись опять изнутри задвижкой, чтобы слышать, когда вернется гуляка-подсыпка, — отправился къ себѣ на постель...

IV.

— Эге-ге, встань, Филиппъ!.. Вотъ такъ штука! — вдругъ подумалъ онъ, подымаясь въ темнотѣ съ постели, точно его кто стукнулъ молоткомъ по темени. — Да я-жь и забылъ: вѣдь это возвращается изъ города то самое облачко, которое недавно покатилось туда, да еще мы съ жидовскимъ наймитомъ дивились, что оно летитъ себѣ безъ вѣтру. Да и теперь вѣтеръ, кажись, не великъ и не съ той стороны. Погоди! Исторія, кажется, тутъ не простая...

Онъ вышелъ босикомъ на плотину и сталъ на самой серединѣ, почесывая себѣ брюхо и спину (на мельницѣ-таки было не безъ блохъ!). Въ спину ему подувалъ съ запруженной рѣки вѣтерокъ, а спереди прямехонько на него катилось облачко. Только теперь оно было уже не такое легкое, летѣло не такъ ровно и свободно, а будто слегка колыхалось и припадало, какъ подстрѣленная птица. Когда-же оно налетѣло на луну, то мельникъ уже ясно понялъ, что это за исторія, потому что на свѣтломъ мѣсяцѣ такъ и вырѣзались трепещущія черныя крылья, а подъ ними еще что-то и какая-то скрюченная людская фигура, съ длинною, трясущеюся бородой...

— Э-эй! Вотъ тебѣ и штука, — подумалъ мельникъ. — Несетъ одного. Что-жь теперь дѣлать?



Когда-же облачко налетѣло на луну, то мельникъ уже ясно понялъ, что это за исторія.

Если крикнуть: «Кинь, это мое!» — такъ вѣдь, пожалуй, бѣдный жидъ расшибется или утонетъ. Высоко!

Но тутъ онъ увидѣлъ, что дѣло мѣняется: чортъ со своею ношей закружился въ воздухѣ и сталъ опускаться все ниже. «Видно, пожадничалъ, да захватилъ себѣ ношу не подъ силу, — подумалъ мельникъ. — Ну, теперь, пожалуй, можно-бы и выручить жида, — все-таки, живая душа, не сравняешь съ нечистымъ. Ну-ко, благословясь, крикну поздоровѣе!»

Но, вмѣсто этого, самъ не знаетъ ужь какъ, онъ изо всѣхъ ногъ побѣжалъ съ плотины и спрятался подъ густыми яворами, что мочили свои зеленыя вѣтки, какъ русалки, въ темной водѣ мельничнаго затора. Тутъ, подъ деревьями, было темно, какъ въ бочкѣ, и мельникъ былъ увѣренъ, что никто его не увидитъ. А у него, надо сказать истинную правду, въ это время уже и зубъ не попадалъ на зубъ, а руки и ноги тряслись такъ, какъ мельничный рукавъ во время работы. Однако, брала-таки охота посмотрѣть, что будетъ дальше.

Чортъ со своею ношей то совсѣмъ припадалъ къ землѣ, то опять подымался выше лѣса, но было видно, что ему никакъ не справиться. Раза два онъ коснулся даже воды, и отъ жида пошли по рѣкѣ круги, но тотчасъ-же чертяка взмахивалъ крыльями и взмывалъ со своею добычей какъ чайка, выдернувшая изъ воды крупную рыбу. Наконецъ, закатившись двумя или тремя широкими кругами въ воздухѣ, чортъ безсильно шлепнулся на самую середину плотины и растянулся, какъ не живой, а полу-замученный; обмершій жидъ упалъ тутъ-же рядомъ.

А надо вамъ сказать, — я какъ-то и забылъ, — что нашъ мельникъ уже давно узналъ, кого это приволокъ изъ города жидовскій Хапунъ. А узнавши, — что мнѣ таить, когда и самъ онъ признавался въ этомъ! — обрадовался и повеселѣлъ: «а слава-жь тебѣ, Господи,

— сказалъ онъ про себя, — такъ это никто иной, только нашъ ново-каменскій шинкарь! Ну, что-то будетъ дальше, а только кажется мнѣ такъ, что въ это дѣло мнѣ мѣшаться не слѣдуетъ, потому что двѣ собаки грызутся, третьей приставать не зачѣмъ... Опять-же моя хата съ краю, я ничего и не знаю... А еслибъ меня тутъ не было, — не обязанъ-же я жида караулить»...

И еще про себя подумалъ: «Ну, Филиппушка, теперь твое время настаетъ въ Новой-Каменкѣ!..»

V.

Долгое время оба — и бѣдный жидъ, и чертяка — лежали на плотинѣ совсѣмъ безъ движенія. Луна уже стала краснѣть, закатываться и повисла надъ лѣсомъ, какъ будто ожидала только, что-то будетъ дальше... На селѣ крикнулъ-было хриплый пѣтухъ и тявкнула раза два какая-то собака, которой, вѣрно, приснился дурной сонъ. Но ни другіе пѣтухи, ни другія собаки не отозвались, — видно, до свѣту еще было порядочно далеко.

Мельникъ издрогъ и сталъ уже подумывать, что это все ему приснилось, тѣмъ болѣе, что на плотинѣ совсѣмъ потемнѣло и нельзя было разобрать, что тамъ такое чернѣетъ на серединѣ. Но когда долетѣлъ изъ села одинокій крикъ пѣтуха, въ кучкѣ что-то зашевелилось. Янкель поднялъ голову въ ермолкѣ, потомъ оглядѣлся, привсталъ и тихонько, по-журавлиному, приподнимая худыя ноги въ однихъ чулкахъ, попытался улепетнуть.

— Эй, эй! придержи его, а то вѣдь уйдетъ, — чуть-было не крикнулъ испугавшійся мельникъ, но увидѣлъ, что чортъ уже прихватилъ шинкаря за длинную фалду.

— Погоди, — сказалъ онъ, — еще рано...

Смотри ты, какой прыткій! Я не успѣлъ еще отдохнуть, а ты ужь собрался дальше. Тебѣ-то хорошо, а каково мнѣ тащить тебя такого здоровеннаго! Чуть не издохъ.

— Ну, — сказалъ жидъ, стараясь выдернуть ѳалду, — отдыхайте себѣ на свое здоровье, а я до своей корчмы и пѣшкомъ дойду.

Чортъ даже привсталъ.

— Что такое?.. Что, я тебѣ въ балагулы *, что ли, нанялся, возить тебя съ шабаша домой, собачій сынъ? Ты еще шутишь...

— Каково могутъ быть шутки, — отвѣтилъ хитрый Янкель, прикидываясь, будто онъ совсѣмъ не понимаетъ, чего отъ него нужно чертякѣ. — Я вамъ очень благодаренъ за то, что вы меня доставили досюдова, а отсюдова я дойду самъ. Это даже вовсе недалекова разстояніе. Зачѣмъ вамъ себя безпокоить?

Чортъ ажь подскочилъ отъ злости. Онъ какъ-то затрепыхался на одномъ мѣстѣ, какъ курица, когда ей отрѣжутъ голову, и сразу подшибъ Янкеля крыломъ, а самъ опять принялся дышать какъ кузнечный мѣхъ.

— Вотъ такъ! — подумалъ про себя мельникъ. — Хоть оно, можетъ быть, и грѣшно хвалить чорта, а этого я, все-таки, похвалю, — этотъ видно, своего не упуститъ.

Янкель, присѣвъ, сталъ очень громко кричать. Тутъ уже и чортъ не могъ ничего подѣлать: извѣстно, что пока у жида душа держится, до тѣхъ поръ ему никакимъ способомъ не зажмешь глотку, — все будетъ голосить. «Да что толку, — подумалъ мельникъ, оглядываясь на пустую мельницу. — Подсыпка теперь

---

* *Балагула* – извѣстный въ Западномъ краѣ спеціально-еврейскій экипажъ, нѣчто въ родѣ еврейскаго дилижанса: длинная телѣга, забранная холщевымъ верхомъ, запряженная парой лошадей, она бываетъ биткомъ набита евреями и ихъ рухлядью (*бебехами*). Балагулой же называется и возница.

гуляетъ себѣ съ дѣвками; а то и лежитъ гдѣ-нибудь пьяный подъ тыномъ».

Въ отвѣтъ на жалобный плачъ бѣднаго Янкеля только сонная лягушка квакнула на болотѣ, да бугай, ночная проклятая птица, прокинулся въ очеретѣ и бухнулъ раза два, точно въ пустую бочку: бу-у, бу-у!.. Мѣсяцъ, какъ будто убѣдившись, что дѣло съ жидомъ покончено, опустился окончательно за лѣсъ, и на мельницу, на плотину, на рѣку пала густая темнота, а надъ омутомъ закурился бѣлый туманъ.

Чортъ безпечно затрепыхалъ крыльями, потомъ опять легъ, заложилъ руки за голову и засмѣялся.

— Кричи сколько хочешь. На мельницѣ пусто.

— А вы почемъ знаете? — огрызнулся еврей и продолжалъ голосить, обращаясь уже прямо къ мельнику:

— Господинъ мельникъ, ой господинъ мельникъ! Серебряный, золотой, брилліантовый господинъ! Пожалуйста, выйдите сюда на одну, самую коротенькую секунду и скажите только три слова, три самыхъ маленькихъ слова. Я бы вамъ за это подарилъ половину долга.

— Весь будетъ мой! — сказало что-то въ головѣ у мельника.

Жидъ пересталъ кричать, понуривъ голову, и горько-прегорько заплакалъ.

Прошло еще сколько-то времени. Мѣсяцъ совсѣмъ ушелъ уже съ неба и послѣдніе отблески угасли на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Все на землѣ и на небѣ, казалось, заснуло самымъ крѣпкимъ сномъ, нигдѣ не слышно было ни одного звука, только еврей тихо плакалъ, приговаривая:

— Ой, моя Сура, ой мои дѣтки, мои бѣдныя дѣтки!..

Чортъ немного отдышался и сѣлъ, все еще

сгорбившись, на плотинѣ. Надъ плотиной, хоть было темно, мельникъ ясно увидѣлъ пару роговъ, какъ у молодого телка, которые такъ и вырѣзались на бѣломъ туманѣ, что подымался изъ омута.

— Совсѣмъ какъ нашъ! — подумалъ мельникъ и почувствовалъ себя такъ, какъ будто проглотилъ что-то очень холодное.

Въ это время онъ замѣтилъ, что жидъ толкаетъ чорта локтемъ.

— Что ты толкаешься? — спросилъ тотъ.

— Пстъ! Я что вамъ хочу сказать...

— Что?

— Скажите вы мнѣ на милость, и что это у васъ за мода — хватать непремѣнно бѣднаго жида... Почему вы не возьмете себѣ лучше хорошаго гоя. Вотъ тутъ живетъ недалеко отличный мельникъ...

Чортъ глубоко вздохнулъ. Можетъ, и ему стало-таки скучно около пустой мельницы надъ омутомъ, только онъ пустился въ разговоръ съ жидомъ. Приподнявъ съ головы ермолку, — а надо вамъ сказать, что на немъ дѣйствительно, какъ и говорилъ наймитъ, была надѣта ермолка, изъ-подъ которой висѣли длинные пейсы, — онъ заскребъ когтями въ головѣ такъ сильно, какъ самый злющій котъ скребетъ по доскѣ, когда отъ него уйдетъ мышь, — и потомъ сказалъ:

— Эхъ, Янкель, не знаешь ты нашего дѣла! Къ нимъ я не могу и приступиться.

— А позвольте спроси-ить, что тутъ долго приступаться, что тутъ за большово хитрость? Я самъ знаю, какъ вы меня сразу хапинули, что я не успѣлъ даже и крикнуть.

Чортъ весело засмѣялся, такъ что даже спугнулъ какую-то ночную птицу на болотѣ, и сказалъ:

— Что правда, то правда: васъ хватать легко... А знаешь ты почему?

— Ну-у?

— Потому что вы и сами хапаете здорово. Я тебѣ скажу, что такого грѣшнаго народа, какъ вы, жиды, и нѣтъ другого на свѣтѣ.

— Ой-вай, удивительно! А каково же это на насъ грѣха?

— А вотъ послушай...

Тутъ чортъ повернулся къ жиду и сталъ считать по пальцамъ.

— Дерете съ людей проценты — разъ!

— Разъ, — повторилъ Янкель, тоже загибая палецъ.

— Людскимъ потомъ-кровью кормитесь — два!

— Два.

— Спаиваете людей водкой — три!

— Три.

— Да еще горѣлку разбавляете водой — четыре!

— Ну, пускай себѣ четыре. А еще?

— Мало тебѣ, что ли? Ай, Янкель, Янкель!

— Ну, я не говорю, что этого мало, а только я говорю, что вы не знаете своего собственнаго дѣла. Вы думаете, мельникъ не беретъ проценты, вы думаете, мельникъ не кормится людскимъ потомъ и кровью?..

— Ну, не бреши ты на мельника. Не такой онъ человѣкъ, онъ человѣкъ крещоный! А крещоный человѣкъ долженъ пожалѣть не только своихъ, а еще и чужихъ, вотъ хотя бы и васъ, жидовъ. Поэтому-то и трудно мнѣ къ крещоному приступиться.

— Ой-вай, каково это ошибка! — крикнула жидъ весело. — Ну, такъ я вамъ вотъ что буду говорить...

Онъ вскочилъ, и чортъ также приподнялся, и оба стояли другъ противъ друга. Жидъ что-то прошепталъ, указавъ черезъ спину на яворы, и, загнувъ палецъ, показалъ его чорту:

— Разъ!

— Брешешь, не можетъ этого быть! — сказалъ чортъ, немного даже испугавшись, и самъ посмотрѣлъ на яворы, гдѣ притаился Филиппъ.

— Пхе, я лучше знаю! А вы погодите.

Онъ опять пошепталъ и сказалъ:

— Два! А это вотъ, — и онъ еще разъ зашепталъ чорту на ухо, — будетъ три, какъ честный еврей!..

Чортъ покачалъ головой и повторилъ въ раздумьи:

— Не можетъ быть.

— Давайте объ закладъ побьемся. Если моя правда, то вы черезъ годъ меня отпустите цѣлаго и еще заплатите мнѣ убытки...

— Ха! я согласенъ. Вотъ это было бы штука, такъ штука! Тогда бы я попробовалъ свои силы...

— Ну, я вамъ говорю, вы сдѣлаете славный гешефтъ!..

Въ это время на селѣ крикнулъ тотъ же пѣтухъ, и хотя крикъ былъ такой же сонный и на него опять никто нигдѣ не откликнулся среди молчаливой ночи, но Хапунъ встрепенулся.

— Э! ты мнѣ тутъ все сказки разсказываешь, а я и уши развѣсилъ. Лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ. Собирайся!

Онъ взмахнулъ крыльями, взлетѣлъ сажени на двѣ надъ плотиной и опять, какъ коршунъ, кинулся на бѣднаго Янкеля, запустивши въ спину его лапсердака свои когти и прилаживаясь къ полету...

Охъ, и жалобно же кричалъ старый Янкель, протягивая руки туда, гдѣ за горой стояла на селѣ его корчма, и называя по имени жену и дѣтокъ:

— Ой, моя Сурке, ой, Шлемка, Ителе, Мовше! Ой, господинъ мельникъ, господинъ мельникъ, пожалуйста, заступитесь, скажите три слова! Я-жь вижу васъ, вотъ вы стоите тутъ, подъ яворомъ. Пожалѣйте

бѣднаго жида, вѣдь и жидъ тоже имѣетъ живую душу.

Очень жалобно причиталъ бѣдный Янкель! У мельника будто кто схватилъ рукою сердце и сжалъ въ горсти. А чертяка точно ждалъ чего, — все трепыхался крыльями, какъ молодой стрепетъ, не умѣющій летать, и тихо-тихо размахивалъ Янкелемъ надъ плотиной...

— Вотъ подлый чертяка, — думать про себя мельникъ, прячась получше за яворомъ, — только мучаетъ бѣднаго жида! А тамъ, гляди, и пѣтухи еще запоютъ...

И только онъ подумалъ это, какъ чортъ захохоталъ на всю рѣку и разомъ взвился кверху... Мельникъ задралъ голову, но черезъ минуту чортъ казался уже не больше вороны, потомъ воробья, потомъ мелькнулъ, какъ муха, какъ комарикъ, и исчезъ.

А на мельника тутъ-то и напалъ настоящій страхъ: затряслись колѣнки, застучали зубы, волосы поднялись дыбомъ, такъ что будь на немъ въ это время шапка, то непремѣнно свалилась бы, и ужь самъ онъ не помнитъ хорошенько, какъ его ноги занесли на мельницу, въ каморку...

VI.

— Стукъ-стукъ!..

— Стукъ-стукъ-стукъ!.. Стукъ-стукъ!..

Что-то стучало въ дверь мельницы, такъ что гулъ ходилъ по всему зданію, отдаваясь во всѣхъ углахъ. Мельникъ подумалъ, ужь не чертяка-ли вернулся, — не даромъ шептался о чемъ-то съ жидомъ, — и потому онъ закрылся съ головой въ подушку.

— Стукъ-стукъ!.. Стукъ-стукъ!.. Эй, хозяинъ, отчиняй!

— Не отчиню.

— А почему такъ не отчините?

Мельникъ приподнялъ голову.

— Э, кажись, голосъ подсыпки Гаврила... Гаврило, ты?

— А то кто?

— Побожись!

— Ну?

— Побожись!

— Да ну же, ей-Богу, я! Гдѣ-жь это видано, чтобъ я да не я былъ? Еще и божись. Вотъ чудасія!...

Мельникъ, все-таки, повѣрилъ не сразу. Онъ взошелъ наверхъ и тихонько посмотрѣлъ изъ оконца, что было надъ дверьми. Дѣйствительно, внизу у стѣнки спокойно стоялъ подсыпка и дѣлалъ такое дѣло, что, пожалуй, никто и не слыхалъ, чтобы черти когда-нибудь такое дѣлали. У мельника отлегло отъ сердца, онъ сошелъ внизъ и отперъ дверь.

Подсыпку даже отшатнуло, когда онъ увидѣлъ мельника въ дверяхъ.

— Э! хозяинъ, что такое съ вами?

— А что?

— Да побойся Бога, зачѣмъ это ты морду всю въ мукѣ вымазалъ? — бѣлая, какъ стѣна!

— А ты, часомъ, не по-надъ рѣчкою-ли шелъ?

— А по-надъ рѣчкою.

— А не глядѣлъ-ли, часомъ, кверху?

— А можетъ глядѣлъ и кверху.

— А не видалъ-ли, часомъ, того?..

— Кого?

— Кого!.. Дурень! Того, что хапнулъ шинкаря Янкеля.

— А какой его бѣсъ хапнулъ?

— Какой!. Извѣстно какой — жидовскій, Хапунъ! Не знаешь развѣ, какой у нихъ сегодня день?..

Подсыпка посмотрѣлъ на мельника мутнымъ

взглядомъ и спросилъ:

— А вы на селѣ, часомъ, не были?

— Былъ.

— А въ шинокъ, часомъ, не заходили?

— Заходилъ.

— А горѣлки, часомъ, не выпивали?

— Тьфу! Вотъ и говори съ дурнемъ. Я-жь своими глазами вотъ сейчасъ видѣлъ: чертяка на плотинѣ отдыхалъ вмѣстѣ съ жидомъ.

— Гдѣ?

— Вотъ тутъ на самой серединѣ.

— Ну, и что?

— Ну, и... — мельникъ свиснулъ и махнулъ рукой по воздуху.

Подсыпка посмотрѣлъ на плотину, потомъ, задравши голову, на небо и почесалъ въ чупринѣ.

— Э, вотъ это такъ чудасія! Что-жь теперь будетъ? Какъ же теперь безъ жида?

— А на что тебѣ непремѣнно жидъ, а?

— Да не то что мнѣ... А все-таки... Э, не говорите, хозяинъ: безъ жида какъ-то оно не того... безъ жида не можно и быть...

— Тю!.. Дурень, такъ дурень и есть!

— Э, что вы лаетесь? Я и самъ не скажу, что я умный, а, все-таки, знаю, что просо, а что гречка; работать иду на мельницу, а водку пить — въ шинокъ. Вотъ вы и скажите мнѣ, когда вы такой умный: кто-жь у насъ теперь будетъ шинковать?

— Кто?

— А таки кто?

— А можетъ и я!

— Вы?

Подсыпка посмотрѣлъ на мельника, вылупивши глаза, потомъ покачалъ головою, щелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— А, развѣ что такъ!

Тутъ только мельникъ замѣтилъ, что подсыпку плохо держатъ ноги и что парубки опять подбили ему лѣвый глазъ. Да и харя же была у этого подсыпки, сказать правду, такая паскудная, что всякому человѣку, при взглядѣ на нее, хотѣлось непремѣнно плюнуть. А поди ты, до дѣвчатъ былъ самый проворный человѣкъ и не разъ-таки парни дѣлали на него облаву, а когда удавалось изловить, то бивали до полусмерти... Что бивали, это, конечно, еще не большое диво, а то чудно́, что было-таки за что бить!

«Вотъ вѣдь нѣтъ на свѣтѣ такой паскудной хари, — подумалъ, глядя на него, мельникъ, — которую бы ни одна дѣвка не полюбила. А то и двѣ, и три, и десять... Тьфу ты пропасть!..»

— Вотъ что, Гаврилушко, — сказалъ, все-таки, мельникъ ласковымъ голосомъ, — поди лягъ со мною. Когда человѣкъ видѣлъ такое, что я видѣлъ, такъ что-то бываетъ страшно.

— А мнѣ что? То и лягу.

Черезъ минуту какую-нибудь подсыпка началъ уже посвистывать носомъ. А скажу вамъ, — я разъ тоже на мельницѣ ночевалъ, — такого свистуна носомъ, какъ тотъ подсыпка, другого и не слыхалъ. Кто этого не любитъ, такъ ужь съ нимъ въ одной хатѣ не ложись, — всю ночь, бывало, не уснешь...

— Гаврило, — сказалъ мельникъ, — ей, Гаврило!

— А что еще, чего бы я это и самъ не спалъ, и другому не давалъ?

— Били тебя опять?

— Ну, такъ что?

— Гдѣ?

— Отъ, все надо вамъ знать. На Коднѣ!

— Ужь и на Коднѣ?.. Зачѣмъ тебя туда понесло?

— Зачѣмъ... Чего бы я спрашивалъ, гы-гы-гы!..

— Мало тебѣ ново-каменскихъ дѣвокъ!

— Тьфу! Мнѣ на нихъ и смотрѣть уже на ново-каменскихъ обридло. Ни одной по мнѣ нѣтъ.

— А Галя вдовина?

— Галя... А что-жь такое Галя?

— А ты къ ней ходилъ?

— Такъ неужели же нѣтъ?

Мельника даже подкинуло на постели.

— Брешешь, собачій сынъ, чтобы твоей матери лихорадка!

— Вотъ же и не брешу, я и никогда не брешу. Пускай за меня умные брешутъ.

Подсыпка зѣвнулъ и сказалъ засыпающимъ голосомъ:

— Помните, хозяинъ, какъ у меня правый глазъ на всю недѣлю запухъ, что и не было видно...

— Ну?

— Она это, собачья дочка, такъ угощаетъ... Тьфу на нее, вотъ что!.. А то еще: Галя!

«Развѣ что такъ», — подумалъ мельникъ. — Гаврило, а Гаврило!.. Отъ, собачій сынъ, опять засвистѣлъ... Гаврило!

— Что еще? Загорѣлось, что ли?

— Хочешь ты жениться?

— Сапоговъ еще не сшилъ. Вотъ сошью, тогда и подумаю.

— А я бы тебѣ справилъ чоботы на дегтю. И шапку, и поясъ.

— Развѣ что такъ. А вотъ я что вамъ скажу, такъ это будетъ еще умнѣе.

— А что?

— А то, что уже на селѣ пѣтухи поютъ. Слышите, какъ заводятъ?

А и правда: на селѣ, можетъ быть, въ Галиной

хатѣ, кричалъ-надрывался горланъ-пѣтухъ ку-ка-ре-ку-у...

— Кук-ка-ре-ку-у... ку-у... ку-у! — отвѣчали ему на разные голоса и ближніе, и дальніе, съ другого конца села, такъ что отъ пѣтушиныхъ криковъ точно въ котлѣ кипѣло, да и въ стѣнахъ каморки побѣлѣли уже всѣ, даже самыя маленькія, щели.

Мельникъ сладко зѣвнулъ.

— Ну, теперь они далеко. Шутка сказать: пока пробило двѣнадцать, ужь онъ изъ города до моей мельницы долетѣлъ. Ге-ге, теперь поминай Янкеля какъ звали.... Вотъ штука, такъ штука! Если эту штуку кому-нибудь разсказать, то еще, пожалуй, брехуномъ назовутъ. А мнѣ что брехать: сами завтра увидятъ. Мнѣ объ этомъ, пожалуй, и говорить не стоитъ. Еще скажутъ про меня, что я... Э, да что тутъ толковать! Когда бы я самъ жида, убилъ, или что-нибудь такое, тогда былъ бы въ отвѣтѣ, а тутъ я не причемъ. Что мнѣ было мѣшаться въ это дѣло? Моя хата съ краю, я ничего не знаю. Ѣшь пирогъ съ грибами, а держи языкъ за зубами; дурень кричитъ, а разумный молчитъ... Вотъ и я себѣ молчалъ!..

Такъ говорилъ самъ себѣ мельникъ Филиппъ, чтобы было легче на совѣсти, и только когда уже вовсе сталъ засыпать, то изъ какого-то уголка въ его сердцѣ выползла, какъ жаба изъ норы, такая, мысль:

— Ну, Филиппъ, настало твое время!

Эта мысль прогнала у него изъ головы всѣ другія и сѣла хозяйкою.

Съ тѣмъ и заснулъ.

VII.

Вотъ раненько утромъ, роса еще блеститъ на травѣ, а мельникъ уже одѣлся и идетъ по дорогѣ къ селу.

Приходитъ на село, а тамъ ужь люди снуютъ, какъ въ муравейникѣ муравьи: «Эй! не слыхали вы новость? Вмѣсто шинкаря, привезли изъ городу одни патынки».

Вотъ было въ то утро въ Новой-Каменкѣ и разговоровъ и пересудовъ, да не мало-таки и грѣха!

Вдова Янкеля, получивъ, вмѣсто мужа, пару патынокъ, совсѣмъ растерялась и не знала что дѣлать. Вдобавокъ еще Янкель, съ большого ума, да не надѣявшись, что его заберетъ Хапунъ, захватилъ съ собою въ городъ всю выручку и всѣ долговыя росписки съ бумажникомъ. Конечно, могъ ли бѣдный жидъ думать, что изъ цѣлаго кагала выхватитъ какъ разъ его?

— Вотъ такъ-то всегда человѣкъ: не чуетъ, не гадаетъ, что надъ нимъ невзгода, какъ тотъ Хапунъ, летаетъ, — толковали про себя громадскіе люди, покачивая головами и расходясь отъ шинка, гдѣ молодая еврейка и ея бàхори (дѣти) бились объ землю и рвали на себѣ волосы. А, между прочимъ, каждый думалъ про себя: «Вотъ, вѣрно, и моя запись улетѣла теперь къ чорту на кулички!»

Э, сказать правду, такъ не очень много нашлось въ громадѣ такихъ людей, у которыхъ заговорила маленько совѣсть: «а таки не грѣхъ бы отдать жидовкѣ если не съ процентами, то хоть чистыя деньги...» А если ужь говорить всю правду, цѣликомъ, то никто не отдалъ ни ломаннаго шеляга ...*

Не отдалъ и мельникъ. Ну, да мельникъ себя въ счетъ не ставилъ.

Вотъ вдова Янкеля и просила, и молила, и въ ногахъ валялась, и даже бàхорей заставляла по землѣ ползать, чтобы добрые господа-громадяне ** согласились отдать хоть по полтинѣ за рубль, хоть по двадцати

---

* *Шелягъ* — неходячая монетка.

** *Громада* — по малороссійски: міръ; громадяне – міряне.

грошей, чтобы имъ всѣмъ, сиротамъ, не подохнуть съ голоду, да какъ-нибудь до городу добраться. И не одинъ-таки хозяинъ съ добрымъ сердцемъ растроился до такой степени, что слезы текли по усамъ, и кое-кто толкнулъ-таки локтемъ сосѣда:

— Побоялись бы вы Бога сосѣдъ! Вы-жь, кажется, что-то такое должны были жиду. Отдали бы вотъ... Ей-Богу, надо бы вамъ хоть сколько-нибудь отдать.

Но сосѣдъ только скребъ чуприну подъ шапкой.

— А что мнѣ отдавать, когда я ему самому, какъ онъ въ городъ ѣхалъ, своими руками всѣ деньги принесъ, до послѣдняго грошика? Второй разъ стану платить, что ли? Вотъ вы, сосѣдъ, другое дѣло...

— А почему это другое дѣло, когда какъ разъ то же самое, какъ и у васъ? Незадолго до отъѣзда пришелъ ко мнѣ Янкель, да какъ сталъ просить: отдай, да отдай! — я и отдалъ.

Мельникъ слушалъ все это, и у мельника болѣло сердце: вотъ народъ! Эхъ, народъ какой! Нисколько не боятся Бога! Такъ же, видно, — только доведись, — и со мною разсчитаются... Ну, пановое-громадо, видно, вамъ плохо не клади, — какъ разъ утянете; да и кто вамъ палецъ въ ротъ сунетъ, тотъ чистый дуракъ!.. Нѣтъ. ужь отъ меня не дождетесь: я-таки не буду дурнемъ. Вы мнѣ этакъ въ кашу не наплюете. Лучше ужь я самъ вамъ наплюю!

Одна только старая Прися принесла жидовкѣ два десятка яицъ, да половину новины и отдала за сколько-то грошей, что осталась должна шинкарю.

— Бери, небого, не взыщи! Осталось тамъ за мною еще сколько-то, такъ отдамъ, какъ Богъ дастъ. Послѣднее и то принесла.

— Вотъ хитрая баба! — обозлился опять мельникъ. Вчера мнѣ ничего не отдала, а для жидовки

такъ вотъ же и нашлось. Ну, и народъ! Старымъ и то нельзя стало вѣрить. Крещоному человѣку не могла отдать, а поганой жидовкѣ все приволокла. Погоди, старая, сочтусь я съ тобой послѣ...

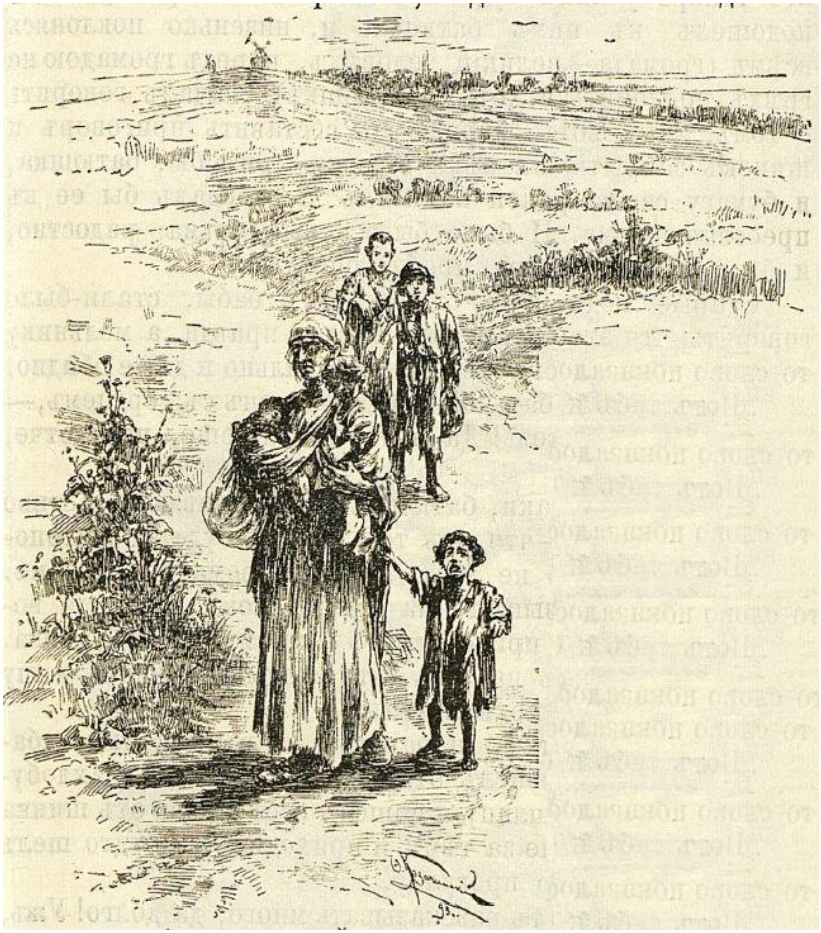
Вотъ собрала Янкелиха своихъ бѣхорей, продала за безцѣнокъ «бебехи» и водку, какая осталась, — а и осталось немного: Янкель хотѣлъ изъ городу бочку везти, да еще люди говорили, будто Харько нацѣдилъ себѣ изъ остатковъ ведерко-другое, — и побрела пѣшкомъ изъ Новой-Каменки. Бѣхори за нею... Двухъ несла на рукахъ, третій тащился, ухватясь за юбку, а двое старшихъ бѣжали въ припрыжку...

И опять міряне скребли свои потылицы (затылки). У кого была совѣсть, тотъ себѣ думалъ: «Хоть бы подводу дать за жидовскія деньги, все бы немного на душѣ полегчало». Да видите, побоялся каждый: пожалуй, люди догадаются, что, значитъ, онъ съ жидомъ не разсчитался. А мельникъ опять думалъ: «Ну, народъ! Вотъ такъ же и меня рады будутъ спровадить, если я когда-нибудь спотыкнусь или дамъ маху».

Такъ-то бѣдная вдова и поплелась себѣ въ городъ, и ужь Богъ ее знаетъ, что тамъ съ нею подѣялось. Можетъ, присосалась гдѣ съ дѣтьми къ какому-нибудь дѣлу, а, можетъ, и пропали всѣ до одного съ голоду. Всего бываетъ! А впрочемъ, жиды своего не покидаютъ. Худо-худо, а, все-таки, дадутъ какъ-нибудь прожить на свѣтѣ.

Стала послѣ этого громада толковать, кто-жь теперь у нихъ, въ Новой-Каменкѣ, будетъ шинкаремъ. Потому что, видите ли, хоть Янкеля не стало, хоть и шинкарка и шинкарята побрели въ свѣтъ за-очи, а шинокъ все стоялъ себѣ на пригорочкѣ и на дверяхъ остались намазанные бѣлою краской кварта и жестяной крючокъ; ну, и все остальное было на мѣстѣ.

И даже Харько сидѣлъ себѣ на пригорочкѣ и

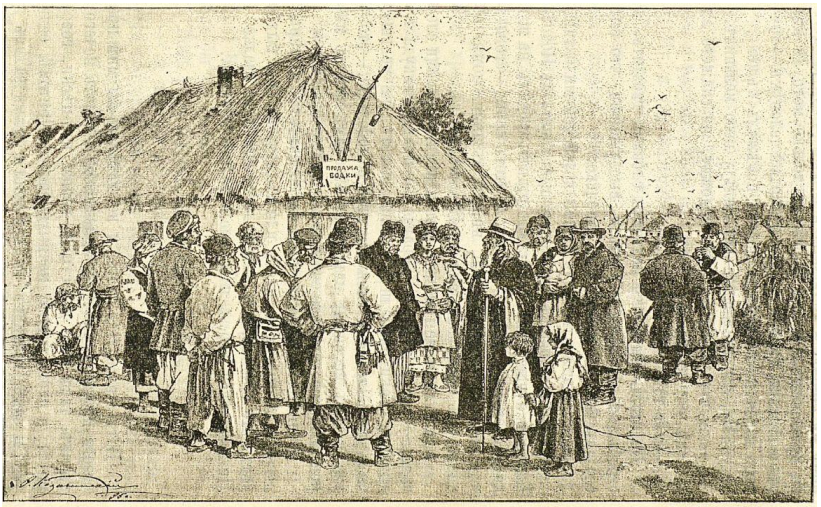


покуривалъ люльку * выжидая, кого-то Богъ пошлетъ ему въ хозяева.

Правда, одинъ разъ подъ вечеръ, когда громадскіе люди стояли у пустой корчмы и разговаривали о томъ, кто теперь у нихъ будетъ шинковать и корчмарить, — подошелъ къ нимъ батюшка

* *Люлька* – трубка.

и, низенько поклонясь всѣмъ (громада — великій человѣкъ, передъ громадою не грѣхъ поклониться хоть и батюшкѣ), началъ говорить о томъ, что вотъ хорошо бы составить приговоръ и шинокъ закрыть на вѣки вѣчные. Онъ бы, батюшка, и бумагу своею рукой написалъ и отослалъ бы ее къ преосвященному. И было бы все это весьма радостно, и благолѣпно, и міру преблагополучно.



Старые люди, а за стариками и бабы, стали-было говорить, что это батюшкина чистая правда, а мельнику то слово показалось совсѣмъ неправильно и даже обидно.

«Вотъ тебѣ и батько! — подумалъ онъ съ сердцемъ, — вотъ тебѣ и пріятель! Да нѣтъ, погоди еще, панъ-отче, что будетъ...

— Вотъ это-таки, батюшка, ваша правда, — льстиво заговорилъ онъ, — что отъ той бумаги будетъ благополучно... А только не знаю я кому: громадѣ или вамъ. Сами вы, — не взыщите на моемъ словѣ! — всегда водочку изъ города привозите, то вамъ и не надо шинка. А таки и то вамъ на руку, что владыка станетъ вашу

бумагу читать да похваливать.

Громада вся такъ и зареготала въ голосъ, а батюшка только плюнулъ отъ великой досады, нахлобучилъ соломенную шляпу и пошелъ себѣ прочь отъ шинка по улицѣ, будто не за тѣмъ и приходилъ, а будто шелъ себѣ на вечернюю прогулку.

Ну, что ужь тутъ разсказывать много, да долго! Ужь, я думаю, вы и безъ того догадались, что мельникъ задумалъ самъ корчмарить въ той жидовской корчмѣ. А задумавши, поговорилъ хорошенько съ громадою, угостилъ-таки кого надо, въ земскомъ судѣ съ исправникомъ умненько потолковалъ, въ уѣздномъ — съ подсудкомъ, потомъ съ казначеемъ, а наконецъ-таки со становымъ приставомъ и съ акцизнымъ надзирателемъ.

Вернувшись послѣ всего этого на село, пошелъ мельникъ къ шинку, а тамъ сидитъ Харько и покуриваетъ на пригорочкѣ люльку. Мельникъ только мотнулъ ему головой, какъ Харько, — хоть и гордый человѣкъ, — тотчасъ вскочилъ на ровныя ноги и побѣжалъ къ нему.

— Ну, что скажешь? — спросилъ у него мельникъ.

— А что мнѣ говорить? Подожду, не скажете ли вы мнѣ чего-нибудь...

— То-то!

Не сталъ уже теперь мельника словами гвоздить, а сгребъ въ обѣ руки картузъ и, выслушавши, что ему сказалъ Филиппъ, отвѣтилъ умненько:

— Радъ стараться для вашей хозяйской милости!..

И сталъ мельникъ шинковать и пановать въ Новой-Каменкѣ лучше Янкеля, и сталъ сдавать людямъ на выпасъ свои карбованцы, а какъ придетъ срокъ — сгонять ихъ опять въ свою скрыню, вмѣстѣ съ приплодомъ. И никто ужь не мѣшалъ ему въ Новой-

Каменкѣ.

А что люди не разъ отъ него плакали горькими слезами, — ну, и это тоже правда, а правду никуда не дѣнешь. Таки плакали не мало: можетъ, не меньше, чѣмъ отъ Янкеля, а, можетъ, еще и побольше, — этого ужь я вамъ не скажу навѣрное. Кто тамъ мѣрилъ мѣрою людское горе, кто считалъ счетомъ людскія слезы?..

Э! никто не мѣрилъ, никто и не считалъ, а старые люди такъ говорятъ: идетъ или ходитъ, на одно выходитъ, что клюкой, что палкой — все спинѣ не сладко... Не знаю какъ кто, а я думаю, что это правда...

VIII.

Вотъ, признаться вамъ, и не хотѣлось-бы мнѣ про своего пріятеля такое разсказывать, а дѣлать нечего: началъ, такъ надо довести до конца; изъ пѣсни, говорится, и слова одного не выкинешь... Притомъ, если ужь и самъ мельникъ не скрываетъ, такъ зачѣмъ я стану скрывать?..

Вотъ видите, какое дѣло... Старому Янкелю только и нужна была людская копѣйка. Бывало, гдѣ хоть краемъ уха заслышитъ, что у человѣка болтается въ карманѣ рубль или хоть два, такъ у него сейчасъ и засверлитъ въ сердцѣ, сейчасъ и придумываетъ такую причину, чтобы того рубля, какъ карася изъ чужого пруда, выудить да перепустить къ себѣ для разводу. Удалось, — онъ и радуется себѣ со своею Суркой.

Ну, а ужь мельнику этого мало. Янкель самъ передъ всякимъ человѣкомъ въ три погибели гнулся, а мельникъ людей гнетъ, а самъ голову деретъ кверху, какъ индюкъ. Янкель, бывало, юркнетъ къ становому съ задняго хода и трусится у порога, а мельникъ валится на крыльцо, какъ въ свою хату. Янкеля если подъ пьяную

руку кто и въ ухо заѣдетъ, такъ онъ сильно не обижался: повизжитъ да и перестанетъ, развѣ потомъ выторгуетъ лишній пятакъ. А мельникъ и самъ не одному христіанину такъ чуприну скупнетъ, что, пожалуй, и въ рукахъ останется, а изъ глазъ искры, какъ на кузницѣ изъ-подъ молота, посыплются... Да, вотъ какое дѣло: мельнику и денежки отдай, и почетъ. И отдавали, нечего грѣха таить. Передъ иконой люди низко кланялись, а передъ моимъ пріятелемъ еще ниже.

А ему все что-то мало. Ходитъ сердитый, да невеселый, будто его щенокъ какой за сердце теребитъ. И все себѣ думаетъ:

«А не такъ что-то на свѣтѣ устроено, — нѣтъ, но такъ! Что-то человѣку и съ деньгами не такъ весело, какъ-бы хотѣлось».

Вотъ разъ Харько его и спрашиваетъ:

— А что вы это, хозяинъ, невеселый все ходите, будто кто васъ въ помои окунулъ? Чего еще ваша хозяйская душа хочетъ?

— Можетъ, еслибъ я женился, то стало бы мнѣ повеселѣе.

— Такъ оженитесь, на здоровье вамъ.

— То-то вотъ и оно. А какъ тутъ оженишься, когда дѣло не выходитъ, съ какой стороны за него не ухватись? Я ужь скажу тебѣ правду: какъ былъ я еще не мельникъ, а только подсыпка, то любился тутъ на селѣ съ Галей вдовиной, можетъ, знаешь... И еслибъ дядько не утопъ, то былъ бы я уже женатый, А теперь самъ ты разсуди; вѣдь я ей не ровня.

— Какая тутъ ровня! Вамъ теперь только и жениться, что на богача Макогона дочкѣ, на Мотрѣ.

— Вотъ! Я и самъ вижу, и люди говорятъ всѣ однимъ голосомъ, что по моимъ деньгамъ Макогоновы какъ разъ придутся... Такъ опять... очень она противная. Сидитъ цѣлый день, какъ здоровая копна

сѣна, да все только сѣмечки лущитъ. Какъ взгляну на нее окомъ, такъ будто кто меня за носъ возьметъ, да и отворотитъ отъ нея въ сторону... То ли дѣло Галя!.. Вотъ и говорю: не такъ какъ-то на свѣтѣ устроено. Одну полюбилъ бы, — хвать, а деньги-то у другой!.. Вотъ изсохну когда-нибудь, какъ былинка... Свѣтомъ гнушаюсь...

Солдатъ вынулъ изо рта свою носогрѣйку, сплюнулъ въ сторону и говоритъ:

— Плохо! Другой человѣкъ ни за что и не придумалъ бы, какъ этому дѣлу помочь, а я присовѣтую, такъ не пожалѣете, что послушались. А пожалуй еще и отдадите новые сапоги, что остались отъ Опанаса въ залогѣ, а?...

— Ну, за такое дѣло и сапоговъ не жаль, только вѣрно ли ты придумалъ?...

И дѣйствительно, придумалъ подлый солдатъ, — бѣсъ его не взялъ! — такое придумалъ, что еслибъ все вышло по его слову, да немного пораньше, — теперь ужь на мельникѣ черти, пожалуй, на томъ свѣтѣ воду бы давно возили, и я бы вамъ эту исторію не разсказывалъ...

— Вотъ, — говоритъ, — слушайте хорошенько. Стало быть, есть васъ трое людей, — одинъ мужикъ да двѣ дѣвки. И, стало быть, нельзя никакъ одному на двухъ жениться, потому что вы не турецкой вѣры.

«Вотъ, подлый, какъ все вѣрно сказалъ! — подумалъ мельникъ. — Что-то будетъ дальше?»

— Хорошо! Какъ вы богатый человѣкъ и Мотря богатая невѣста, такъ тутъ ужь и малому ребенку ясно кто на комъ долженъ жениться. Посылайте сватовъ къ старому Макогону.

— Правда! Да только я это зналъ и безъ тебя... А какъ же съ Галей?

— А вы дослушали до конца? Или, можетъ, сами знаете, что я хотѣлъ сказать?...

— Ну-ну, ужь и осердился!

— Вы всякаго человѣка разсердите. Не такой я человѣкъ, чтобы начать рѣчь, да и не кончить. Будетъ и о Галѣ рѣчь. Она васъ любила?

— А таки такъ!

— А вы-жь тогда кто были, какъ она васъ любила?

— Подсыпка.

— Такъ это опять малый ребенокъ пойметъ: когда дѣвка любила подсыпку, то и быть ей замужемъ за подсыпкой.

Мельникъ вылупилъ глаза и въ головѣ у него, точно на мельницѣ въ помолъ, все пошло кругомъ.

— Да я же теперь не подсыпка!

— Вотъ бѣда какая! А развѣ у васъ на мельницѣ нѣтъ подсыпки?...

— Это Гаврило?... Э-э, вотъ ты что придумалъ... Пускай же, когда такъ, онъ тебѣ и сапоги даритъ за такую придумку. А я скажу на это, что не дождетъ ни онъ, ни его дядья съ тетками, чтобъ я такое дѣло потерпѣлъ. Вотъ лучше пойду, да ноги ему и переломаю.

— А, какой горячій человѣкъ, хоть яйца въ немъ пеки!... Да я-жь совсѣмъ другое хотѣлъ вамъ сказать, а вы ужь и скипѣли, и полились черезъ край.

— А что-жь ты еще послѣ такой штуки можешь сказать, когда мнѣ это не нравится?

— А вы послушайте.

Харько вынулъ люльку изо рта, посмотрѣлъ на мельника, прищуривши одинъ глазъ, и такъ прищелкнулъ языкомъ, что у того сразу стало веселѣе на сердцѣ...

— А вы, говорю, ее любили и бѣдную?...

— То-то что любилъ!...

— Ну, такъ и любите себѣ на здоровье, когда она будетъ за подсыпкой. Вотъ теперь и моей рѣчи

конецъ: вотъ и вы всѣ трое и будете жить на одной мельницѣ, а четвертый дурень не въ счетъ... Ага! теперь поняли, чѣмъ я васъ угощаю, медомъ или дегтемъ? Нѣтъ, Харька били не по головѣ, а куда слѣдуетъ, оттого и умный вышелъ: знаетъ кому достанется орѣхъ, кому скорлупа, а кому новые сапоги...

— А, можетъ, еще и не выйдетъ это дѣло?

— Почему-жь ему не выйти?

— Мало ли почему. Вотъ старый Макогонъ не согласится.

— Вотъ! Когда-бъ я съ нимъ не говорилъ!...

— Ну?

— То-то. Ѣхалъ изъ города съ водкой, а онъ — на встрѣчу. То, да се, и говорю: «Вотъ вашей дочери женихъ — нашъ мельникъ».

— А онъ что?

«— Не дождетъ, говоритъ, ваша бабушка! Что, говорите, онъ стоитъ?»

— А ты что?

— А я говорю: «Дѣйствительно, бабушка не ждетъ, потому что она — царство небесное! — у насъ давно померла. А вы, видно, не знаете, что нашего жида, вотъ уже около году, унесъ чертяка?

«— А когда такъ, — говоритъ, — то дѣло другое: какъ жида на селѣ не стало, то и мельникъ — стоющій человѣкъ...»

— Ну, хорошо, Макогонъ согласится. Такъ еще Галя пойдетъ ли за подсыпку?...

— Э, какъ дѣвку съ матерью погонятъ изъ хаты, то рада будетъ жить и на мельницѣ.

— Такъ-то оно такъ...

———

IX.

Мельникъ почесался. А дѣлу этому, вотъ что я вамъ разсказываю, уже идетъ не день, а безъ малаго цѣлый годъ. Не успѣлъ какъ-то мельникъ и оглянуться, — куда дѣвались и Филипповки, и Великій постъ, и весна, и лѣто. И стоитъ мельникъ опять у порога шинка, а подлѣ, опершись спиной о косякъ, Харько. Глядь, а на небѣ такой самый мѣсяцъ, какъ годъ назадъ былъ, и такъ же рѣчка искрится, и улица такая же бѣлая, и такая же черная тѣнь лежитъ съ мельникомъ рядомъ на серебряной землѣ. И что-то такое мельнику вспомнилось.

— Э, послушай, Харько!

— А что?

— Какой сегодня день?

— Понедѣльникъ.

— А тогда, помнишь, какъ разъ суббота была.

— Мало ли ихъ было субботъ...

— Тогда, годъ назадъ, съ судный день.

— А, вотъ вы что вспомнили! Да, тогда была суббота.

— А теперь когда у нихъ судный день придется?

— Вотъ я и самъ не скажу, когда онъ придется. Жида по близости нѣтъ, такъ и не знаю.

— А небо, гляди, какое чистое, какъ разъ такое, какъ и въ тотъ день...

И мельникъ со страхомъ посмотрѣлъ на окно жидовской хаты, не увидитъ ли опять, какъ жиденята мотаютъ головами, и жужжатъ, и молятся о своемъ батькѣ, котораго Хапунъ тащитъ надъ полями и долинами...

Э, нѣтъ! То все уже прошло. Отъ Янкеля не осталось, должно быть, и косточекъ, сироты пошли по дальнему свѣту, а въ хатѣ темно, какъ въ могилѣ... И на душѣ у мельника такъ же темно, какъ въ этой пустынной

жидовской хатѣ. «Вотъ, не выручилъ я жида, осиротилъ жиденятъ, — подумалъ онъ про себя. — А теперь что-то такое затѣваю со вдовиною дочкой...»

— Эй, хорошо-ли оно у насъ будетъ? — спросилъ онъ Харька.

— А чѣмъ плохо? Оно, правда, есть и такіе люди, что меду не ѣдятъ. Можетъ, вы изъ такихъ...

— Не изъ такихъ я, а все-таки... Ну, прощай!

— Прощайте и вы.

Мельникъ пошелъ съ пригорка, а Харько опять посвисталъ ему вслѣдъ. Посвисталъ ему хоть и не такъ обидно, какъ тотъ разъ, а все-таки, мельника задѣло за живое.

— А ты что свищешь, вражій сынъ? — сказалъ онъ, обернувшись.

— Вотъ ужь и посвистать нельзя стало человѣку, — обидѣлся Харько. — Я у капитана въ деньщикахъ жилъ, и то свисталъ себѣ, а у васъ нельзя.

«Правда, — подумалъ мельникъ, — отчего-бы ему и не свистать. А только зачѣмъ это все такъ дѣлается, какъ въ тотъ вечеръ?..»

Онъ пошелъ съ пригорка, а Харько, все-таки, посвисталъ еще, хоть и тише... Пошелъ мельникъ мимо вишневыхъ садовъ, глядь — опять будто двѣ большихъ птицы порхнули въ травѣ, и опять въ тѣни бѣлѣетъ высокая смушковая шапка, да дѣвичья шитая сорочка, и кто-то чмокаетъ такъ, что въ кустахъ отдается... Тьфу ты пропасть! Не сталъ ужь тутъ мельникъ и усовѣщивать проклятаго парня, — боялся, что тотъ ему отвѣтитъ какъ разъ по-прошлогоднему... И подошелъ нашъ Филиппъ тихими шагами ко вдовину перелазу.

Вотъ и хатка горитъ подъ мѣсяцемъ, и оконце жмурится, и высокій тополь купается себѣ въ мѣсячномъ свѣтѣ... Мельникъ постоялъ у перелаза, почесался подъ шапкой и опять занесъ ногу черезъ тынъ.

Стукъ-стукъ!

«Охъ, и будетъ опять буча, какъ тотъ разъ, а то и похуже, — подумалъ про себя мельникъ. — Проклятый Харько, своими проклятыми словами такъ мнѣ все хорошо расписалъ... А теперь, какъ станешь вспоминать, оно и не того... и не выходитъ въ тѣхъ словахъ настоящаго толку. Э, что будетъ, то и будетъ!» — и онъ брякнулъ опять.

Вотъ въ оконцѣ промелькнуло бѣлое лицо и черныя очи.

— Мамо моя, мамонько, — зашептала Галя. — А это же опять проклятущій мельникъ подъ оконцемъ стоитъ, да по стеклу брякаетъ.

«Эхъ, не выскочитъ на этотъ разъ, не обойметъ, не поцѣлуетъ хоть ошибкой, какъ тогда!..» — подумалъ про себя мельникъ, и таки угадалъ: вышла дѣвка тихонько изъ хаты и стала себѣ поодаль, сложивъ руки подъ бѣлою грудью.

— А чего это опять стучишь?

Эхъ, горько слушать такія холодныя слова отъ дѣвки, съ которою прежде человѣкъ горячо любился... Хотѣлось мельнику охватить дѣвичій станъ, да показать ей сейчасъ, зачѣмъ стучалъ, и даже, правду сказать, уже пододвинулся онъ бочкомъ-бочкомъ къ Галѣ, да вспомнилъ, что еще надо Харьковы слова высказать, и говоритъ:

— А что мнѣ и не стучать, когда вы мнѣ столько задолжали, что никогда и не выплатитесь?.. Того и хата ваша не стоитъ.

— А когда знаешь, что никогда не выплатимъ, то незачѣмъ и стучать по ночамъ, безбожный человѣкъ! Старую мать у меня въ могилу гонишь.

— А какой ее бѣсъ, Галю, въ могилу гонитъ? Если-бы ты только захотѣла, я бы твоей матери старость успокоилъ.

— Брешешь все!

— Нѣтъ, не брешу! Ой, Галю, Галю, не могу я такъ жить, чтобы съ тобой не любиться!..

— Бреши, какъ собака на вѣтеръ... А кто задумалъ къ Макогону сватовъ засылать?

— Да ужъ думалъ или нѣтъ, а я тебѣ щирую правду говорю, хоть прикажи побожиться: сохну безъ тебя и вяну... А какъ теперь будетъ у насъ, я тебѣ сейчасъ попорядку разскажу, а ты, если ты умная дѣвка, послушаешься меня. Да только, смотри, уговоръ: слушай ты меня ухомъ, да отвѣчай языкомъ, а руками чтобы нини! А то я разсержусь.

— Чудно что-то ты принимаешься, — сказала Галя, сложивши руки. — Ну, я послушаю, а только смотри, если ты опять дурницу (глупости) понесешь, тогда и не проси ты своего бога...

— Э, не дурницу... Вотъ видишь ты... какъ это Харько начиналъ...

— Харько? А что тутъ между нами Харьку еще начинать?

— Э, помолчи, а то я не скажу ничего хорошаго... Отвѣчай: ты меня любила?

— Ну, стала бы я такую скверную харю цѣловать, когда-бъ не любила?..

— А я кто тогда былъ: подсыпка или нѣтъ?

— А подсыпка. Далъ бы Богъ, чтобы и никогда не былъ мельникомъ.

— Тю! не говори лишнихъ словъ, а то я собьюсь... Выходитъ такъ, что ты любила подсыпку, такъ, значитъ, и судьба тебѣ выйти замужъ за подсыпку и жить на мельницѣ. А какъ я тебя прежде любилъ, такъ и послѣ буду любить, хоть бы сватался къ десяти Мотрямъ.

Галя даже глаза себѣ протерла, — не снится ли ей сонъ.

— А что это ты такое несешь, человѣче? Или я вовсе дура, или у тебя въ головѣ одной клепки не хватаетъ. Какъ же это я пойду за подсыпку, когда ты теперь мельникъ? И какъ ты на мнѣ женишься, когда сватовъ пошлешь къ Мотрѣ, а?.. Что ты это несешь, человѣче, перекрестись ты лѣвою рукой.

— Вотъ еще! — сказалъ мельникъ. — Развѣ же у меня на мельницѣ нѣтъ подсыпки? А Гаврило... чѣмъ тебѣ онъ не подсыпка? Что маленько дурень, это правда, такъ намъ это, Галечко, еще лучше, я тебѣ по правдѣ скажу.

Тутъ только дѣвка разобрала, куда мельникъ клонитъ хитрую рѣчь. Какъ всплеснетъ вдругъ руками, да какъ заголоситъ:

— Ой, мамо, мамонько, что онъ тутъ говоритъ! Да это-жь онъ, видно, въ турки хочетъ записаться, да двухъ женъ завести. Тащи ты, мамо, кочергу изъ хаты, а я покамѣстъ своими руками съ нимъ расправлюсь...

Да на мельника, а мельникъ отъ нея... Отбѣжалъ до перелаза, сталъ на немъ ногой и говоритъ:

— А, такъ-то ты, гадюка! Такъ выбирайтесь обѣ съ матерью изъ хаты. Завтра отберу за долги. Геть!

А она ему:

— Выбирайся и ты, турка, сейчасъ изъ моего саду, пока онъ мой. А то какъ вцѣплюсь вотъ сейчасъ ногтями, то и Мотря твоя не узнаетъ, гдѣ у тебя что было, — не то что двухъ любить, и одна на тебя безглазаго глядѣть не станетъ.

Вотъ и говори съ нею! Плюнулъ мельникъ, скорехонько соскочилъ съ тына и пошелъ изъ села сердитый. Вышелъ на гребень горы, откуда уже слышно было, какъ вода въ лотокахъ шумитъ, такъ еще обернулся и погрозился кулакомъ...

А въ это время какъ разъ: динь, дин-н-ь...

Опять зазвонили на селѣ, на звонницѣ, самую полночь...

X.

Мельникъ подошелъ къ своей мельницѣ, а мельница вся въ росѣ, и мѣсяцъ свѣтитъ, и лѣсъ стоитъ и сверкаетъ, и бугай, проклятая птица, бухаетъ въ очеретахъ, не спитъ, будто поджидаетъ кого, будто кого выкликаетъ изъ омута...

Жутко стало мельнику Филиппу.

— Эй, Гаврило! — крикнулъ онъ на мельницу.

— У-у, у-у — отозвался съ болота бугай, а на мельницѣ никто ни чи-чиркъ.

«Э, проклятый порубокъ! Опять помандровалъ къ дѣвкамъ...» — подумалъ мельникъ, и не захотѣлось что-то ему идти въ пустую мельницу. Хоть и привыкъ, а, всетаки, вспоминалось иной разъ, что подъ мельничнымъ поломъ, промежду сваями, не одни рыбы да ужи плаваютъ въ темной водѣ...

Онъ оглянулся къ городу. Тихо, свѣтло, туманъ чуть-чуть закурился надъ рѣчкой, что уплываетъ себѣ за лѣсъ, и не видно ея въ свѣтлой мглѣ... А на небѣ ни облачка...

Назадъ посмотрѣлъ и опять подивился, откуда въ его запрудѣ столько глубины: и для мѣсяца, и для звѣздъ, и для всего синяго неба...

Глядь, а въ водѣ по-надъ звѣздами будто комарикъ летитъ... Приглядѣлся, — выросъ комарикъ какъ муха, потомъ сталъ какъ воробей, какъ ворона, а вотъ ужь какъ здоровый шулякъ.

— Чуръ тебѣ, пекъ тебѣ [*]! — сказалъ мельникъ

---

[*] «Цуръ тобі, пекъ тобі» – заклинаніе.

и, поднявъ глаза, увидѣлъ, что это не въ водѣ, а по воздуху летитъ что-то прямо къ мельницѣ.

— А бей тебя сила Господня! Это видно опять Хапунъ въ городъ поспѣшаетъ за добычей. Видишь ты, собачья вѣра, какъ залѣнился на этотъ разъ: полночь пробило, а онъ еще только въ дорогу собрался...

Онъ стоялъ такъ, съ задранною головой, а по воздуху, уже какъ орелъ, летѣло, кружась, облако и опускалось книзу; а изъ того облака что-то жужжало... такъ, какъ въ хорошемъ пчелиномъ рою, когда рой вылетитъ изъ пасѣки поверхъ саду...

— А, опять у меня на плотинѣ отдыхать задумалъ? Видишь ты, какую себѣ моду завелъ. Погоди, поставлю на тотъ годъ «фигуру» (крестъ), — такъ, небойсь, не станешь по дорогѣ, какъ панъ въ заѣзжіе дома, на мою плотину заѣзжать... Э, а что-жь это онъ такъ шумитъ, какъ змѣёкъ съ трещоткой, что ребята запускаютъ въ городѣ? Надо, видно, опять за яворомъ притаиться, да посмотрѣть.

Не успѣлъ отбѣжать къ яворамъ, поглядѣлъ кверху и чуть не крикнулъ отъ страха... Видитъ — гость уже близко надъ мельничною крышей, да еще въ рукахъ держитъ... Вотъ ни за что и не угадаете, что такое принесъ чертяка въ когтяхъ...

Жида Янкеля! Да, того самаго Янкеля, котораго годъ назадъ утащилъ, теперь приволокъ обратно. Держитъ Янкеля крѣпко за спину, а Янкель держитъ въ рукахъ большущій узелъ, завязанный въ простынѣ, и оба ругаются въ воздухѣ, да такъ шибко, будто десять жидовъ заспорили на базарѣ изъ-за одного мужика...

Камнемъ упалъ чортъ въ плотину. Еслибъ не мягкій узелъ, то, пожалуй, Янкелю не собрать-бы и костей. Потомъ оба сразу вскочили на ноги и давай опять галдѣть.

— Ой-ой!.. И что это за свинство, — закричалъ

Янкель, — не можете вы полегче на землю спуститься!.. Я думаю, у васъ въ рукахъ живой человѣкъ.

— Человѣкъ, да еще узелъ, чтобъ вамъ обоимъ провалиться сквозь землю!..

— Пхе! Чѣмъ вамъ мѣшаетъ мой узелокъ? Я его самъ держу, васъ не заставляю...

— Узелокъ! Цѣлая гора всякихъ бѣбеховъ. Насилу дотащилъ, у-ухъ! На это и уговора не было...

— Ну, а гдѣ это видано, чтобы человѣкъ ѣхалъ въ дорогу безъ вещей?.. Везете человѣка, везите и вещи, это ужь и безъ всякаго уговора можно понимать... Развѣ можно хозяину свое добро бросить?.. Вы, я давно вижу, хотите обмануть бѣднаго Янкеля, такъ и придираетесь...

— А!.. Кто тебя, лисицу, обманетъ, тотъ и трехъ дёнъ не проживетъ. Я ужь не радъ, что и связался...

— Вы думаете, я очень радъ, что познакомился и-съ-вами? Ой-вай, важный пурицъ!.. А вы лучше скажите мнѣ, какой у насъ уговоръ былъ. Ну, вы, можетъ, забыли, такъ я вамъ припомню: мы бились объ закладъ. Можетъ вы скажете: мы не бились объ закладъ? Вотъ это будетъ хорошее дѣло!

— Кто тебѣ говоритъ, что не бились? Развѣ я тебѣ сказалъ, что не бились?

— Ну, какъ-же вамъ и сказать, что не бились, когда мы бились вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ. Можетъ, вы не помните о чемъ, такъ я сейчасъ припомню. Вы говорите: жиды берутъ процентъ, жиды спаиваютъ народъ, жиды жалѣютъ своихъ, а чужихъ не жалѣютъ, оттого всѣ говорятъ, чтобъ ихъ черти взяли. Ну, можетъ, вы этого не говорили, а я, можетъ, вамъ не отвѣтилъ на это: вотъ тутъ стоитъ мельникъ за яворомъ. Еслибъ онъ жалѣлъ жида, то крикнулъ-бы вамъ: «Господинъ чортъ, кидайте, — у него жена, дѣти». Но онъ не крикнетъ... Разъ.

«Вотъ какъ угадалъ, подлый!» — подумалъ про

себя мельникъ, а чортъ сказалъ:

— Ну, разъ!

— А еще я говорю, помните мое слово: какъ меня здѣсь не станетъ, мельникъ откроетъ шинокъ и станетъ разбавлять водку; а проценты онъ и теперь деретъ какъ слѣдуетъ... Два!

— Ну, два! — подтвердилъ чортъ, а мельникъ поскребъ въ головѣ: «Какъ это онъ все могъ угадать, проклятый?»

— А еще я говорю: намъ чужіе желаютъ, чтобы насъ черти взяли, это правда... А какъ вы думаете, еслибъ здѣсь сейчасъ были наши жидки, да увидѣли, что вы со мной хотите дѣлать, — какой-бы они тутъ гевалтъ подняли, а? А объ мельникѣ черезъ годъ, кого ни спросите, свои братья скажутъ: а пусть его чортъ унесетъ... Три!

— Ну, три!.. Я и не отрекаюсь.

— Вотъ это хорошій интересъ былъ-бы, еслибъ вы еще отрекались. Какой-бы вы были послѣ этого честный еврейскій чортъ? А вы лучше скажите, какой уговоръ?

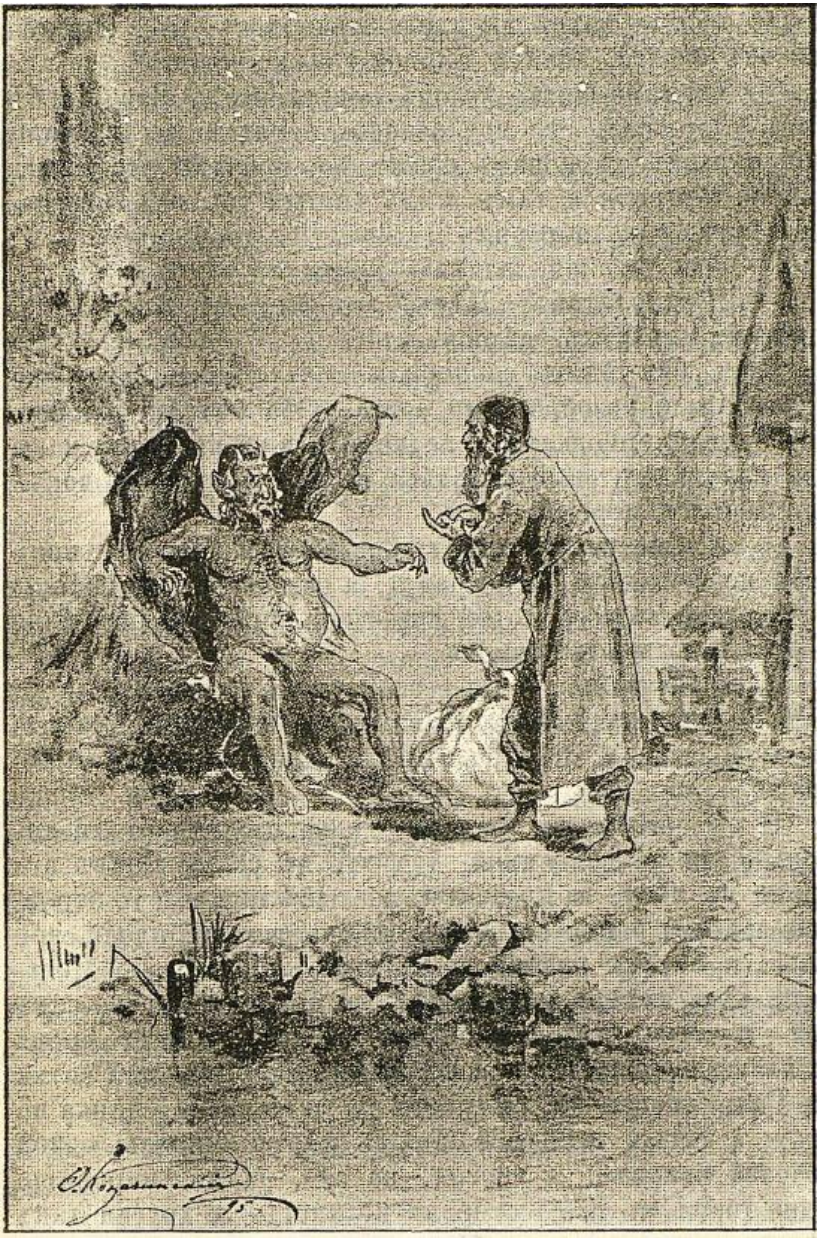
— Я все исполнилъ: оставилъ тебя на годъ живымъ — разъ. Принесъ сюда — два...

— А три? Что-же будетъ три?

— Чего еще? Выиграешь закладъ, — отпущу тебя на всѣ четыре стороны.

— А убытки?.. развѣ вы не должны вернуть мнѣ убытки?..

— Убытки? Какіе-жь у тебя могутъ быть убытки, когда мы тебѣ дали торговать у насъ безъ всякихъ патентовъ цѣлый годъ?.. Ну, что? Такой барышъ на землѣ въ три года не возьмешь... Смотри самъ: я тебя захватилъ отсюда въ одномъ лапсердакѣ, даже безъ патынковъ, а сюда какой ты узелъ приволокъ, а?.. Откуда-же онъ взялся, если у тебя все были убытки?



— Ой-вай! Опять узломъ попрекаете!.. Что я себѣ тамъ торговалъ, это мое счастье... Развѣ вы считали мой барышъ? А я вамъ скажу по правдѣ, что я отъ вашей торговли и тамъ взялъ чистый убытокъ, и тутъ, на землѣ, годъ потерялъ...

— Ахъ ты, ширлатанъ! — крикнулъ чортъ.

— Я ширлатанъ? Нѣтъ, это вы самъ ширлатанъ, шейгицъ, лайдакъ, паршивецъ!..

Тутъ они опять заспорили такъ шибко, что уже нельзя было разобрать ни слова. Оба махали руками, оба трясли ермолками и поднимались на цыпочки, какъ два пѣтуха, готовые кинуться въ бой. Наконецъ, чортъ спохватился первый:

— А еще неизвѣстно, кто выигралъ! Что мельникъ тебя не пожалѣлъ, это правда, а остальное еще посмотримъ, еще надо у людей спросить, можетъ, онъ и не подумалъ открыть шинокъ.

«Два открылъ! — почесался опять мельникъ. — Э, надо было хоть годикъ обождать, — остался-бы Янкель въ дуракахъ, а то тутъ что-то такое неладное выходитъ»...

И онъ оглянулся на свою мельницу: нельзя ли тихонько, по-за мельницей, махнуть на село? Но въ это время въ лѣсу, за плотиной, послышались чьи-то неровные шаги и бормотанье. Янкель схватилъ на плечи свой узелъ и бѣгомъ побѣжалъ къ тѣмъ же яворамъ. Мельникъ едва успѣлъ спрятаться за толстую ветлу, какъ оба — и чортъ, и Янкель — были уже тутъ, а въ это время на концѣ плотины показался подсыпка Гаврила. Свитка на Гаврилѣ драная, съ одного плеча спущена, шапка на боку, а босыя ноги все одна съ другой спорятъ: одной хочется, направо, а другая, на зло, налѣво наровитъ. Одна опять въ свою сторону потянетъ, а другая такъ бѣднаго подсыпку къ себѣ кинетъ, что вотъ-вотъ голова въ одно мѣсто улетитъ, а

спина съ ногами въ другое. Такъ вотъ и идетъ бѣдный парень, выписывая по всей плотинѣ узоры, отъ одного края до другого, а впередъ что-то мало подвигается.

Видитъ чертяка, что подсыпка совсѣмъ пьянъ, вышелъ себѣ да и сталъ посрединѣ плотины въ своемъ собственномъ видѣ. Извѣстно, съ пьяными людьми какая чорту церемонія!

— Здравствуйте, говоритъ, добрый человѣкъ! А гдѣ это вы такъ намалёвались?...

Тутъ только мельникъ въ первый разъ замѣтилъ, какой Гаврило сталъ за годъ оборванный и несчастный. А все отъ того: что у хозяина заработаетъ, у хозяина и пропьетъ; денегъ отъ мельника давно уже не видалъ, а все забиралъ водкой. Подошелъ подсыпка вплоть къ самому чорту, уперся сразу обѣими ногами въ гать и сказалъ:

— Тпру-у-у... Вотъ бѣсовы ноги съ норовомъ какимъ! Когда надо, не идутъ, а какъ увидѣли, что у человѣка передъ самымъ носомъ торчитъ что-то, тутъ онѣ и прутъ себѣ впередъ. А ты это что такое, я что-то не разберу никакъ...

— Я себѣ, съ позволенія вашего, чертяка...

— Ну-у? Брешешь, я думаю. Э!... А пожалуй, твоя правда. Таки и рога, и хвостъ, — все какъ слѣдуетъ. А пейсы по бокамъ морды зачѣмъ?

— Да я себѣ, не въ обиду вамъ сказать, жидовскій чортъ.

— А!... Вотъ видишь ты, какая чудасія. Разскажи я людямъ, что видѣлъ твою милость, такъ никто и не повѣритъ... Такъ это не ты ли въ прошломъ годѣ стараго Янкеля уволокъ?

— Ну, ну! Я самый.

— А теперь же кого? Меня, что ли? То я и закричу, ей-Богу закричу... Ты еще не знаешь, какая у меня глотка.

— Э, не кричи напрасно, добрый человѣкъ. На что ты мнѣ дался?...

— Можетъ, мельника? Позвать тебѣ, такъ я и позову. Э, нѣтъ, постой! А кто-жь у насъ шинковать станетъ?

— А у него развѣ есть шинокъ?

— У него?... Нѣтъ, у него два: одинъ на селѣ, а другой при дорогѣ...

— Ха-ха-ха! Не оттого ли тебѣ мельника и жалко?

— Ой! какъ ты смѣешься здорово... Ха! Не такой я человѣкъ, чтобъ его пожалѣть... Нѣтъ, не такъ сказалъ!... Это онъ не такой человѣкъ, чтобъ я его пожалѣлъ. Онъ думаетъ, Гаврилко — дурень... Ну, это-таки правда: я себѣ не очень умный человѣкъ, не взыщите вы съ меня. А все-таки, когда ѣмъ, то въ чужой ротъ каши не кладу, а только въ свой. И какъ оженюсь, то для себя, а какъ не оженюсь, то опять для себя же. Правду я говорю, или нѣтъ?

— Правда оно — правда, ну, а только я не знаю, къ чему она клонитъ.

— Хе, можетъ, тебѣ не надо знать, то ты и не знаешь, а какъ мнѣ надо знать, то я и знаю, зачѣмъ онъ меня оженить хочетъ. Ой, знаю я хорошо, даромъ что я не очень догадливый человѣкъ. Вотъ и тотъ разъ, какъ вы Янкеля схапали, я объ немъ пожалѣлъ: «кто-жь теперь, говорю хозяину, у насъ шинковать будетъ?» А онъ и говоритъ: «Тю, дурень! Развѣ не найдется кому? А хоть бы и я вотъ!» Такъ и теперь! возьмете вы себѣ мельника, — найдется у насъ кому жидовать и безъ него... Ну, а я тебѣ, добрый человѣкъ... тьфу, тьфу, не взыщите, ваша милость! Вотъ же человѣкомъ назвалъ поганаго чорта... Теперь я тебѣ вотъ что скажу: что-то мнѣ того, что-то спать хочется. Ты себѣ какъ хочешь... бери его себѣ самъ, а я пойду лягу, вотъ что, потому что

я маленько нездоровъ. Вотъ и будетъ хорошо... Ага!...

Тутъ подсыпка опять сталъ заплетать ногами и насилу отперъ двери, какъ уже повалился и захрапѣлъ.

Чортъ весело засмѣялся и, ставъ на краю плотины, моргнулъ Янкелю подъ яворы:

— А кажется твоя правда, Янкель. Что-то выходитъ похоже... Дай, однако, мнѣ какую одежину, я заплачу...

Янкель сталъ смотрѣть на свѣтъ какія-то шаровары, чтобы ошибкой не дать чорту новыхъ, а въ это время за рѣкой, по дорогѣ изъ лѣсу, показалась пара воловъ. Волы сонно качали головами, телѣга чуть-чуть поскрипывала колесами, а на телѣгѣ лежалъ мужикъ, Опанасъ Нескорый, безъ свитки, безъ шапки и сапоговъ, и во все горло оралъ пѣсни.

Добрый былъ мужикъ Опанасъ, да только бѣдняга очень водку любилъ. Бывало, только снарядится куда выѣхать, а ужь Харько у шинка сторожитъ и кличетъ:

— Не выпить ли тебѣ чарочку, Нескорый? Куда, торопиться?

Онъ и выпьетъ.

Выѣдетъ послѣ того за село, черезъ плотину, а тамъ ужь, у другого шиночка, самъ мельникъ кличетъ:

— А не выпьешь ли чарочку, Нескорый? Куда тебѣ поспѣшать?

Онъ и тутъ выпьетъ. Глядишь — и вернется домой, никуда не ѣздивши.

Да, добрый былъ мужикъ, а, видно, судьба ему судила пропадать гдѣ-нибудь промежду двумя шинками... А все-таки человѣкъ былъ себѣ веселый, и все, бывало, пѣсни поетъ. Вѣдь, бываетъ же у человѣка такой нравъ: весь пропьется, и баба сердитая дома дожидается, а онъ какъ пѣсню или прибаутку сложилъ, такъ думаетъ, что горе избылъ. Такъ и теперь: лежитъ

себѣ въ телѣгѣ и поетъ во все горло, что даже лягушки съ берега кидаются въ воду:

Волы мои крутороги
Идутъ по дорогѣ...
А меня не носятъ ноги,
Ой, не носятъ ноги!
Пропилъ свитку и чоботья.
И шапку съ затылка...
А у мельника въ шиночкѣ
Хороша горілка...

— Эй, а какая тамъ бѣсова тварюка посередь гати стоитъ, что и воламъ не пройти?.. Вотъ, когда бы не лѣнь было мнѣ сойти съ воза, я-бъ тебѣ показалъ, какъ посередь дороги становиться... Цобъ, цобъ, цоб-бе!...

— Постой на одну минуту, добрый человѣкъ, — сказалъ чортъ сладкимъ голосомъ. Мнѣ-бы съ тобой потолковать немного...

— Немного? Ну, толкуй, а то некогда. Пожалуй, въ Каменкѣ шинокъ заперли, такъ и не достучишься... А что ты скажешь, не знаю, какъ тебя назвать... Ну?

— О комъ это ты такую хорошую пѣсню пѣлъ?

— Спасибо, что похвалилъ. Пѣлъ я объ мельникѣ, что вотъ тутъ на мельницѣ живетъ, а что хороша-ли пѣсня или нѣтъ, то лучше мнѣ знать, потому что я себѣ самъ пою. Можетъ, кто отъ той пѣсни скачетъ, а кто и плачетъ, вотъ что... Цобъ, цобъ, цоб-бе! Да ты все еще стоишь?

— Стою.

— Чего-жь ты еще стоишь?

— Въ пѣснѣ твоей говорится, что горѣлка у мельника хороша?

— Вотъ ты какой... хитрый! Человѣкъ и пѣсню еще до конца не допѣлъ, а онъ ужь придрался къ слову. Гдѣ ужь у бѣса хороша!.. Ты, видно, не слыхалъ

поговорки: впередъ батька не лѣзь въ пекло, а то опередишь батька и того... нехорошо будетъ. Когда такъ, то я лучше тебѣ до конца спою:

А у мельника въ шиночкѣ
Хороша горілка...
Ой, горілки двѣ бутылки
И... воды бутылка...

— Ну, что̀, все стоишь? Чего-жь тебѣ, когда такъ, еще надо? Вотъ я сейчасъ вылѣзу-таки съ воза, посмотрю, долго-ли ты настоишься вотъ тутъ, а?... Что ты себѣ подумаешь, если я начну тебя угощать бато̀гомъ?..

— Сейчасъ, сейчасъ уйду, добрый человѣкъ. Только скажи еще: а что̀ ты себѣ подумалъ-бы, когда бы здѣшняго мельника чортъ забралъ, какъ и Янкеля?..

— А что̀ мнѣ думать? — ничего и не подумаю... Таки, сказать по правдѣ, и схапаетъ когда-нибудь, непремѣнно-таки схапаетъ. Э, да ты, вижу, все стоишь... Ну, вылѣзаю съ воза. Гляди, ужь и ногу одну поднялъ...

— Ну, ну! Поѣзжай себѣ, когда ты такой сердитый.

— Ушелъ ты?

— Ушелъ.

— Цобъ, цобъ, цоб-бе!

Опять волы закачали рогами, заскрипѣли ярма и занозы, и возъ покатился на другой конецъ гати, а Опанасъ запѣлъ свою пѣсню:

Волы мои крутороги,
Прибавляйте бѣгу!
Пропилъ мельнику колеса,
Пропью и телѣгу.

Колеса стукнули, съѣзжая съ гати, и пѣсня

Опанаса стала затихать на горѣ.

Не успѣла еще стихнуть, какъ послышалась другая, изъ-за рѣки. Такъ и звенѣли, такъ и заливались женскіе голоса, сначала далеко, а тамъ уже и въ лѣсу. Видно, гдѣ-нибудь дожинали дѣвчата съ молодицами, а можетъ, и отаву на дальнемъ покосѣ сгребали, а теперь шли себѣ позднею дорогой и пѣли, чтобы не страшно было лѣсомъ идти.

Чертяка разомъ шмыгнулъ къ Янкелю подъ вербы.

— А ну, давай-же чего-нибудь поскорѣе!

Янкель ткнулъ ему какую-то рвань. Чортъ кинулъ ее на землю и ухватился за узелъ.

— А! что̀ ты мнѣ даешь, какъ нищему, что стыдно будетъ и показаться. Давай получше!

Чортъ выхватилъ, что ему было нужно, мигомъ свернулись у него крылья, мягкія, какъ у нетопыря, мигомъ вскочилъ въ широкіе, какъ море, синіе штаны, надѣлъ все остальное, подтянулся поясомъ, а рога покрылъ смушковою шапкой. Только хвостъ высунулся поверхъ голенища и бѣгалъ по песку, какъ змѣя...

Вотъ послѣ этого чмокнулъ, топнулъ, подбоченился, посунулся на встрѣчу молодицамъ, — ни взять, ни дать, какой-нибудь добрый мѣщанинъ или подпанокъ изъ экономовъ, — и сталъ на серединѣ плотины.

А пѣсня все ближе, да все звончѣе, — ужь такъ и вѣетъ по-надъ землей да подъ яснымъ мѣсяцемъ, что, кажется, весь свѣтъ разбудитъ середь ночи. Да вдругъ и оборвалась сразу...

Сыпнули молодицы изъ лѣсу, будто кто маковъ цвѣтъ изъ передника на землю просыпалъ, — увидѣли на плотинѣ хвостатаго щеголя и сбились въ кучу у конца гати.

— А что оно такое вонъ тамъ стоитъ? спросила

одна.

— Да это мельникъ, — говоритъ другая.

— Какой мельникъ, — и не похожъ!

— Можетъ, подсыпка.

— Гдѣ у подсыпки такая одёжа?..

— А отзовись ты, когда ты что̀ доброе, — крикнула вдова Бучилиха, что, видно, была побойчѣе другихъ.

Чортъ издали поклонился и потомъ подошелъ поближе, выкидывая ногами и фигурой выкрутасы, какъ настоящій подпанокъ, что хочетъ казаться паномъ, и сказалъ:

— А не бойтесь, ласточки вы мои! Я себѣ человѣкъ молодой, а зла вамъ не сдѣлаю. Идите себѣ спокойно...

Молодицы и дѣвки взошли на гать, поталкивая одна другую, и скоро окружили чертяку... Э, не всегда-таки пріятно, какъ окружатъ человѣка десятокъ-другой вотъ этакихъ вострухъ и начнутъ пронизывать быстрыми очами, да поталкивать одна другую локтемъ, да посмѣиваться. Чертяку стало-таки немного коробить да крючить, какъ бересту на огнѣ, — ужь и не знаетъ, какъ ступить, какъ повернуться. А онѣ все пересмѣиваютъ.

«Вотъ такъ его, такъ его, мои ласточки, — подумалъ про себя мельникъ, глядя изъ-за корявой ветлы. — Вспомните, гàлочки мои, какъ Филипко съ вами, бывало, пѣсни пѣлъ да хороводы водилъ. А теперь вотъ какая бѣда: выручайте-жь меня, какъ муху изъ паутины». Еще, кажется, еслибъ его такъ пощипать хоть съ минуту, — провалился бы чертяка сквозь землю...

Но старая Бучилиха остановила дѣвчатъ:

— Цуръ вамъ, сороки! Совсѣмъ и парубка засмѣяли, что у него и носъ опустился книзу, руки-ноги обвисли... А скажи ты намъ, небораче, кого ты тутъ надъ

омутомъ дожидаешься?

— Мельника.

— Пріятель ему, видно?

«Чтобъ такимъ пріятелямъ моимъ всѣмъ провалиться сквозь землю!» — хотѣлъ крикнуть Филиппъ, да голосъ не пошелъ изъ горла, а чертяка отвѣчаетъ:

— Не то, чтобы большой пріятель, а такъ себѣ: сосчитаться за старое надо.

— А давно ты его не видалъ?

— Давненько.

— Ну, такъ теперь и не узнаешь. Добрый былъ когда-то парубокъ, а теперь ужь такъ голову задралъ, что и кочергой до носа не достанешь.

— Ну?

— То-то... Не правду я говорю, дѣвоньки?

— А правда, правда, правда! — застрекотала вся стая.

— Тю! тише немножко, — закричалъ чортъ, затыкая уши, — отъ лучше скажите, что это съ нимъ подѣялось и съ какихъ поръ?

— А съ тѣхъ поръ, какъ богачомъ сталъ.

— Да деньги сталъ раздавать въ лихву.

— Да шинокъ открылъ.

— Да мужа моего, Опанаса, съ проклятымъ Харькомъ такъ окрутилъ, что ужь мужику и ходу никуда, кромѣ кабака не стало.

— Да и нашихъ мужей да батьковъ споилъ всѣхъ дочиста.

— Ой, ой лихо намъ съ нимъ, съ проклятымъ мельникомъ! — заголосила какая-то и, вмѣсто недавней пѣсни, пошли надъ рѣкой вопли да бабьи причитанья.

Поскребъ-таки Филиппъ свой затылокъ, слушая, какъ за него заступаются молодицы. А чортъ, видно совсѣмъ оправился. Смотритъ искоса, да потираетъ

руки.

— Э! это еще что, — звонко перекричала всѣхъ вдова Бучилиха. — А слыхали вы, что онъ надъ Галей надъ вдовиной задумалъ?

«Тьфу! — плюнулъ мельникъ. — Вотъ сороки проклятыя! О чемъ ихъ не спрашиваютъ, и то имъ нужно разсказать... И какъ онѣ только узнали? То дѣло было сегодня на селѣ, а онѣ ужь на покосѣ все дочиста знаютъ... Ну, и бабы, зачѣмъ только ихъ Богъ на свѣтъ Божій выпускаетъ?»...

— А что бы такое надъ вдовиной дочкой мой пріятель затѣялъ? — спросилъ чортъ, глядя по сторонамъ такъ, какъ будто это дѣло ему не очень даже и любопытно.

И пошли тутъ сороки выкладывать, и выложили, одна передъ другой, все до чиста.

Чортъ помоталъ головой.

— Ай-ай-ай! Вотъ это такъ ужь нехорошо! Этого ужь, я думаю, никто и отъ прежняго шинкаря Янкеля не видалъ.

— О, да гдѣ же такое жиду придумать?

— Вотъ еще!

— Вотъ вижу я, мои кралечки, мои зазуленьки, не очень-то вы моего пріятеля любите...

— А пускай же его всѣ черти полюбятъ, а отъ насъ не дождется...

— Ой-ой-ой! Вотъ, видно, не много вы ему добра желаете...

— Пускай его потрясетъ трясця (лихорадка)!

— Пускай лѣзетъ въ омутъ за дядькомъ!

— Э, пусть и его чертяка схапаетъ, какъ того Янкеля!..

Всѣ засмѣялись.

— А правда твоя, Олено, потому что онъ хуже жида.

— Жидъ, по крайней мѣрѣ, не ласовалъ, оставлялъ хоть дѣвчатъ въ покоѣ, зналъ свою Сурку.

Чортъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Ну, спасибо вамъ, ласточки мои, за ваше привѣтливое слово... А не пора-ли вамъ ужь идти дальше?

А самъ откинулъ голову, какъ пѣтухъ, что хочетъ закричать на зарѣ погромче, и захохоталъ, не выдержалъ. Да загрохоталъ опять такъ, что даже вся нечистая сила прокинулась на днѣ рѣчки и пошли надъ омутомъ круги... А дѣвки отъ того смѣха шарахнулись такъ, какъ стая воробьевъ, когда въ нихъ кинутъ камнемъ: будто вѣтромъ ихъ сдуло сразу съ плотины...

Пошли у мельника по шкурѣ мурашки и взглянулъ онъ на дорогу къ селу; «а какъ бы это, — думаетъ себѣ, — пріударить и мнѣ хорошенько за дѣвками. Когда-то бѣгалъ не хуже людей». Да вдругъ и отлегло у него отъ сердца, потому что, видитъ, опять идетъ къ мельничной гати человѣкъ, да еще не кто-нибудь, а самый его наймитъ — Харько.

«Вотъ, кусни-ка этого, — подумалъ онъ про себя, — авось зубы обломаешь. Это мой человѣкъ».

XI.

Наймитъ шелъ босикомъ, въ красной кумачной рубахѣ, съ фуражкой, безъ козырька, на затылкѣ, и несъ на палкѣ новенькіе Опанасовы сапоги, отъ которыхъ такъ и разило дегтемъ по всей плотинѣ. Вотъ какой скорый! — подумалъ мельникъ, — ужь и взялъ себѣ чоботы... Ну, да ничего это. На этого человѣка я крѣпко теперь надѣюсь...

Увидѣвъ на серединѣ плотины незнакомаго человѣка, наймитъ подумалъ, что это какой-нибудь

волочуга-грабитель хочетъ отнять у него сапоги. Поэтому онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Хапуна и сказалъ:

— Вотъ что: лучше и не подходи, — не отдамъ!

— Что ты, спохватись, добрый человѣкъ! Развѣ я самъ безъ сапогъ? Погляди, еще лучше твоихъ.

— Такъ что же ты тутъ выросъ ночью, какъ корявая верба надъ омутомъ?

— А я, видишь-ли, хочу тебѣ задать одинъ вопросъ.

— Чудно! Загадку, что ли? Кто же это тебѣ разсказалъ, что я всякую загадку лучше всѣхъ разгадаю?

— Га! слыхалъ-таки отъ людей.

Солдатъ поставилъ сапоги на-земь и, вынувъ кисетъ, сталъ набивать себѣ трубочку. Потомъ выкресалъ изъ кремня огоньку и, раскуривая подъ носомъ густое курево, сказалъ:

— Ну, теперь вываливай: какія тамъ у тебя загадки?

— Да не то чтобы загадки, а такъ... Кто здѣсь, по-твоему, самый лучшій человѣкъ?

— Я!

— Э, почему такъ?... Нѣтъ ли кого получше?

— Да ты спрашиваешь: какъ по-моему?... Ну, такъ я самъ себя ни за кого не отдамъ.

— Правда твоя. А мельникъ... какой человѣкъ?

— Мельникъ?...

Солдатъ выпустилъ изо рта такой клубъ дыма, какъ бѣлый конскій хвостъ на мѣсячномъ свѣтѣ, и искоса поглядѣлъ на чорта.

— А вы, часомъ, не изъ акцизу?

— Нѣтъ.

— Можетъ, не при полиціи ли гдѣ служите... по какой тайности?

— Да нѣтъ же!... Такой умникъ, а не умѣетъ отличить простого человѣка отъ непростого.

— Кто это тебѣ сказалъ?... Да я у тебя въ костяхъ и то все вижу... А что спросилъ, такъ это такъ себѣ, на всякій случай. Такъ ты говоришь: какой человѣкъ мельникъ?

— Эге!

— Такъ себѣ человѣкъ: не высокій, не низкій... изъ небольшихъ средній!

— Э, не то ты говоришь!...

— Не то? А что бы такое еще тебѣ сказать... Можетъ, хочешь знать, гдѣ у него бородавка?

— Ты, я вижу, любишь морочить, а мнѣ некогда. Скажи попросту: хорошій мельникъ человѣкъ или плохой?

Солдатъ опять пустилъ изо рта цѣлый хвостъ дыму и сказалъ:

— А ты-таки скорый человѣкъ, любишь кушать не разжевавши.

Чортъ вылупилъ глаза, а у мельника отъ радости запрыгало сердце.

«Вотъ языкъ, такъ языкъ, — подумалъ онъ. — А я еще сколько разъ желалъ, чтобъ онъ у него отвалился. Эге, вотъ и пригодился, — смотрите, какъ чертяку отбреетъ!...»

— Любишь кушать не разжевавши, я тебѣ говорю! — строго повторилъ солдатъ. — Такъ тебѣ и скажи: хорошій человѣкъ или нѣтъ? Для меня, вотъ, всякій человѣкъ хорошъ. Я, братъ, изъ всякой печи хлѣбъ ѣдалъ. Гдѣ бы тебѣ подавиться, а я и не поперхнусь!... Э, что ты себѣ думаешь: на дурака напалъ, что ли?

«Вотъ такъ, вотъ-таки такъ его, — сказалъ про себя мельникъ и даже подпрыгнулъ отъ радости. — Я не я буду, когда у него чортъ черезъ полчаса не станетъ

глупѣе овцы! Я на крылосѣ читаю, что никто слова не пойметъ... такъ оттого, что скоро. А онъ вотъ и тихо говоритъ, а поди-ка пойми, что сказалъ...»

Дѣйствительно, бѣдный чертяка заскребъ въ головѣ такъ сильно, что мало не стянулъ шапки.

— Постой-ка, служба, — сказалъ онъ. — Что-то, видится, мы съ вами ѣдемъ-ѣдемъ, да не доѣдемъ. Не въ тотъ переулокъ завернули...

— Не знаю, какъ ты, а я изъ всякаго переулка выѣду.

— Да вѣдь я у васъ спрашиваю: хорошій мельникъ человѣкъ или нѣтъ... а вы куда меня завезли?

— А дай-же я у тебя спрошу: вода хороша, али нѣтъ?

— Вода?.. А чѣмъ-же плоха?

— А когда есть квасъ, тогда отъ воды отвернешься, — нехороша.

— Пожалуй, нехороша.

— А когда стоитъ на столѣ пиво, такъ тебѣ и квасу не надо.

— Вотъ и это правда.

— А поднеси чарочку горѣлки, и на пиво не поглядишь?

— Такъ-то оно такъ...

— Вотъ то-то и оно-то!

Чорта ударило въ потъ и изъ-подъ свитки хвостъ у него такъ и забѣгалъ по землѣ, — даже пыль поднялась на плотинѣ. А солдатъ уже вскинулъ палку съ сапогами на плечи, чтобъ идти далѣе, да въ это время чертяка догадался, чѣмъ его взять. Отошелъ себѣ шага на три и говоритъ:

— Ну, идите, когда такъ, своею дорогой. А я тутъ обожду: не пойдетъ-ли, случаемъ, солдатъ Харитонъ Трегубенко.

Солдатъ остановился.

— А тебѣ на что его?

— Да такъ!.. Говорили, солдатъ Трегубенко — умный человѣкъ: можетъ ввести и вывести. Я и подумалъ, не вы-ли это сами будете. А вижу, нѣтъ! Съ вами путаешься кругомъ, а на дорогу никакъ не выѣдешь...

Солдатъ поставилъ сапоги на-земь.

— А ну, спроси у меня еще.

— Э, что тутъ и спрашивать?

— А ты попробуй.

— Ну, вотъ что. Скажи мнѣ: кто былъ лучше — Янкель шинкарь или мельникъ?

— Вотъ такъ-бы и говорилъ сразу, а то не люблю такихъ людей, что подлѣ самого мосту ищутъ броду. Иному человѣку лучше десять верстъ исколесить проселками, чѣмъ одну версту прямою дорогой. Вотъ и я тебѣ сейчасъ все толкомъ, по пунктамъ, какъ говорится, скажу: у Янкеля былъ шинокъ, а у мельника — два.

«Э, что-то ужь и не такъ заговорилъ, — подумалъ съ горестью мельникъ. — Пожалуй, объ этомъ лучше-бы и не заговаривать...»

А солдатъ говоритъ дальше:

— У Янкеля я ходилъ въ лаптяхъ, а тутъ у меня и сапоги выросли...

— А откуда они выросли?

— Хе, откуда!.. Въ нашемъ дѣлѣ все такъ, какъ въ колодцѣ съ двумя ведрами: одно полнѣетъ, другое пустѣетъ, — одно идетъ кверху, другое книзу. У меня были лапти, — стали сапоги. А погляди ты на Опанаса Нескораго: былъ въ сапогахъ, теперь сталъ босой, потому что дурень. А къ умному ведро приходитъ полное, уходитъ пустое... Понялъ?

Чортъ слушалъ внимательно и сказалъ:

— Постой! Кажется, подъѣзжаемъ помаленьку, какъ-разъ, куда надо.

— То-то! Я про то и сразу тебѣ говорилъ: назови ты мнѣ Янкеля хоть квасомъ, такъ мельникъ будетъ пиво, а еслибъ ты подалъ мнѣ добраго вина, то я-бы и отъ пива отступился...

У чорта кончикъ хвоста такъ рѣзко забѣгалъ по плотинѣ, что даже Харько замѣтилъ. Онъ выпустилъ клубъ дыму прямо чорту въ лицо и будто нечаянно прищемилъ хвостъ ногою. Чортъ подпрыгнулъ и завизжалъ, какъ здоровая собака; оба испугались, у обоихъ раскрылись глаза, и оба стояли съ полминуты, глядя другъ на друга и не говоря ни одного слова.

Наконецъ, Харько посвисталъ по-своему и сказалъ:

— Эге-ге-ге-е! Вотъ штука, такъ штука...

— А вы какъ думали? — отвѣтилъ чортъ.

— Вотъ вы какая птица!

— А вотъ, какъ меня видите...

— Такъ это вы значитъ того... въ прошломъ годѣ?..

— Ага!

— А теперь... за нимъ?

— Ну-ну... Что скажете?

Харько затянулся, пыхнулъ дымомъ и отвѣтилъ:

— Бери! Не заплачу... Я человѣкъ бѣдный, мое дѣло — сторона. Сяду себѣ съ люлькой у шинка, буду третьяго дожидаться.

Чертяка опять загрохоталъ, а солдатъ закинулъ сапоги на спину и пошелъ скорымъ шагомъ. А какъ проходилъ мимо купы яворовъ, то мельникъ слышалъ, что онъ бормочетъ:

— Вотъ оно что: одного унесъ, за другимъ прилетѣлъ... Ну, моя хата съ краю!.. Засваталъ чортъ жида, — мельнику досталось приданое; теперь сватаетъ мельника, а приданое — мнѣ. Солдатъ кому ни служитъ, ни о комъ не тужитъ. Выручка на рукахъ, — пожалуй,

можно и самому за дѣло приняться. Не станетъ теперь Харька Трегубенка, а будетъ Харитонъ Ивановичъ Трегубовъ... Только ужь я не дуракъ: ночью на плотину меня никакими коврижками не заманишь...

И сталъ подыматься на гору.

Оглянулся мельникъ кругомъ: а кто-жь ему теперь поможетъ? — нѣтъ никого. Дорога потемнѣла, на болотѣ заквакала сонная лягушка, въ очеретахъ бухнулъ сердито бугай... А мѣсяцъ только краемъ ока выглядываетъ изъ-за лѣса: а что-то теперь будетъ съ мельникомъ Филиппомъ?..

Глянулъ, моргнулъ и ушелъ себѣ за лѣса...

А на плотинѣ чортъ стоитъ, за бока держится, хохочетъ. Дрожитъ отъ того хохота старая мельница, такъ что изъ щелей мучная пыль пылитъ; въ лѣсу всякая лѣсная нежить, а въ водѣ водяная — проснулись, забѣгали, показывается кто тѣнью изъ лѣсу, кто неясною марой на водѣ; заходилъ и омутъ, закурился-задымился бѣлымъ туманомъ, и пошли по немъ круги. Глянулъ мельникъ — и обмеръ: изъ-подъ воды смотритъ на него синее лицо съ тусклыми, неподвижными глазами и только длинные усы шевелятся, какъ у водяного таракана. Точь-въ-точь дядько Омелько выплываетъ изъ омута прямо къ яворамъ...

Жидъ Янкель давно уже пробрался тихонько на плотину, поднялъ одежду, которую скинулъ съ себя чортъ, и, шмыгнувъ подъ яворы, наскоро завязалъ узелъ. Не говоритъ уже ничего объ убыткахъ; да скажу вамъ, тутъ на всякаго человѣка напала бы робость. Какіе ужь тутъ убытки!.. Вскинулъ узелъ на плечи и тихонько зашлепалъ себѣ по тропинкѣ за мельницей, въ гору, за другими...

Пустился и мельникъ на свою мельницу, — хоть запереться, да разбудить подсыпку. Только вышелъ изъ-подъ яворовъ, а чортъ — къ нему. Филиппъ отъ него, да

за дверь, да въ коморку, да поскорѣе засвѣчать огни, чтобы не такъ было страшно, да упалъ на полъ и давай голосить во весь голосъ, — подумайте вотъ! — совсѣмъ такъ, какъ жиды въ своей школѣ...

А тотъ ужь летаетъ-вьется надъ крышей, да въ оконце свою любопытную харю суетъ, да крыломъ бьетъ въ стекло, — не знаетъ, куда пробраться, чтобы захватить себѣ лакомый кусокъ...

Вдругъ — шасть... Хлопнулось что-то объ полъ, будто здоровенная кошка упала. Это проклятый въ трубу влетѣлъ, ударился, подскочилъ... И слышитъ мельникъ: сидитъ уже на спинѣ и запускаетъ когти.

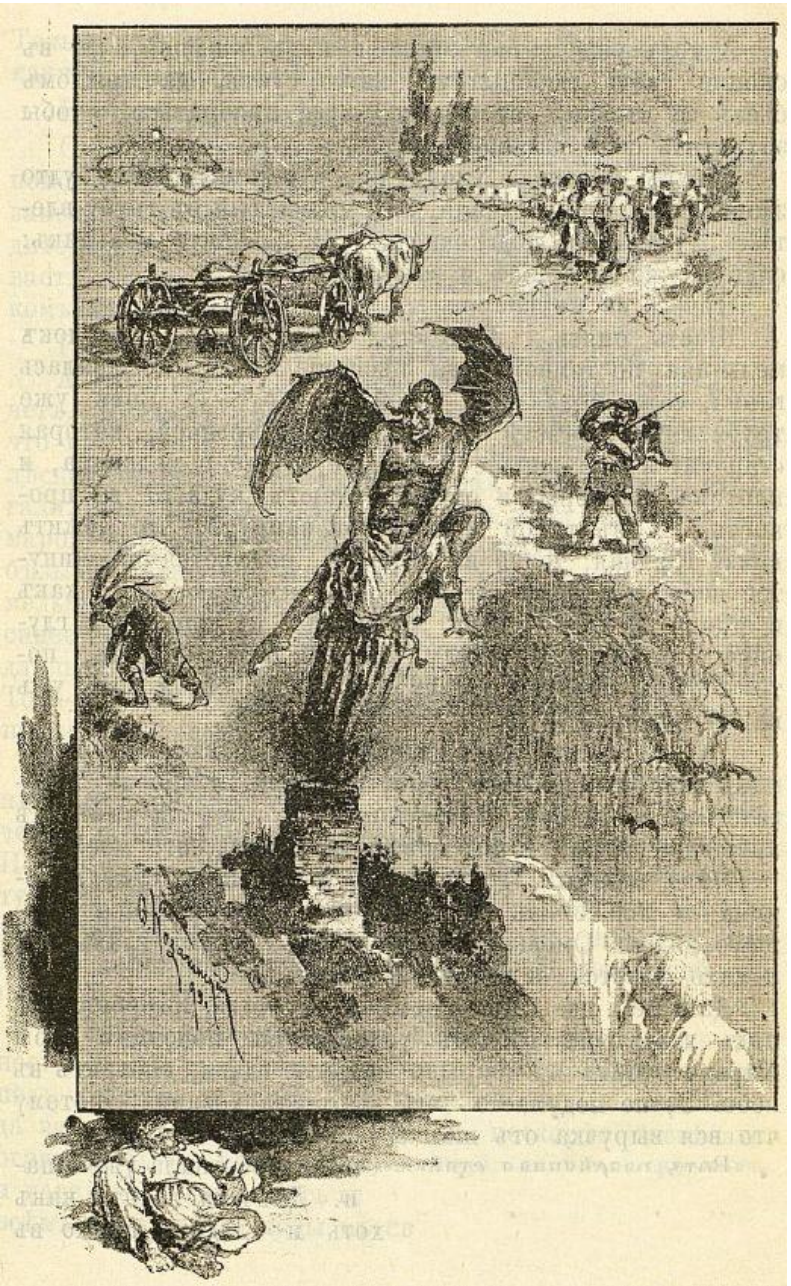
Ничего не подѣлаешь!..

Шасть опять... Потемнѣло въ глазахъ, поволокъ мельника по темному, да тѣсному мѣсту; посыпалась глина, сажа поднялась тучей и вдругъ... Вотъ уже труба внизу вмѣстѣ съ мельничною крышей, которая становится все меньше и меньше, будто и мельница, и плотина, и яворы, и омутъ падаютъ куда-то въ пропасть... А въ тихой мельничной запрудѣ, что лежитъ внизу гладкая, точно на тарелкѣ, виднѣется опрокинутое небо, и звѣзды мигаютъ себѣ тихонечко, вотъ какъ всегда... И еще видитъ мельникъ: въ той синей глубинѣ, перекрывая звѣзды, летитъ будто шулякъ, потомъ будто ворона, потому будто воробей, а вотъ ужь какая большая муха...

«А это-жь онъ меня выволокъ такъ высоко, — подумалъ мельникъ. — Вотъ тебѣ, Филипко, и доходъ, и богатство, и шинки, и роскошь. А нѣтъ ли тамъ гдѣ крещоной души, чтобы крикнула: «Кинь, это мое!»?

Нѣтъ никого! Прямо подъ нимъ спитъ себѣ мельница, и только изъ омута огромная усатая рожа утопшаго дядьки Омелька глядитъ стеклянными глазами и тихо смѣется, и моргаетъ усомъ...

Дальше, на гору подымается жидъ, сгорбившись



подъ тяжелымъ бѣлымъ узломъ. Въ половинѣ горы Харько стоитъ и, покрывъ ладонью глаза, смотритъ въ небо. Э, не подумаетъ онъ выручать хозяина, потому что вся выручка отъ шинка остается на его долю.

Вотъ разсѣянная стайка дѣвчатъ обогнала уже Опанаса Нескораго, съ его волами. Дѣвчата летятъ какъ сумасшедшія, а Нескорый хоть и глядитъ прямо въ небо, лежа на возу, и хоть душа у него добрая, но глаза его темны отъ водки, а языкъ какъ колода... Некому, некому крикнуть: «Кинь, это мое!»

А вотъ и село. Вотъ запертый шинокъ, спящія хаты, садочки, вотъ и высокія тополи, и маленькая вдовина избушка. Сидитъ на заваленкѣ старая Прися съ дочкой и плачутъ, обнявшись... А что-жь онѣ плачутъ? Не оттого ли, что завтра ихъ мельникъ прогонитъ изъ родной хаты?

Сжалось у мельника сердце. Э, пусть хоть эти не поминаютъ меня лихомъ! Собрался съ духомъ и крикнулъ:

— А не плачь, Галю, не плачь, небого! Ужь прощаю вамъ всѣ долги и съ процентами... Ой, лихо мнѣ, хуже вашего: волочетъ меня нечистый, какъ паукъ маленькую мушку...

Видно, чутко дѣвичье сердце... Гдѣ-бы, кажется, услыхать на такомъ дальнемъ разстояніи, а Галя, все-таки, дрогнула и подняла кверху черныя, заплаканныя очи...

— Прощайте вы, карія оченята, — вздыхаетъ мельникъ, да вдругъ видитъ: схватилась дѣвушка руками за грудь, да какъ наберетъ воздуху, да какъ крикнетъ:

— Кинь, проклятая чертяка! Кинь, это мое!

Точно цѣпомъ, съ большого размаху, рѣзнуло чертяку по ушамъ: встрепенулся, распустились когти и понесся Филиппъ книзу, какъ перышко, поворачиваясь съ боку на бокъ.

Летитъ, а чертяка, какъ камень, за нимъ. Только долетитъ и придержитъ мельника, а Галя опять:

— Кинь, проклятый, — мое!

Онъ и отпуститъ, а мельникъ опять полетитъ, да такъ до трехъ разъ, а уже внизу и багно (болото), что между селомъ и мельницей, разстилается все шире, да шире.

Тар-рахъ! Ударился мельникъ въ мягкое багно со всего размаха, такъ что мочàга вся колыхнулась, будто на пружинахъ, да снова мельника сажени на двѣ кверху и подкинула. Упалъ опять, схватился на ровныя ноги, да бѣгомъ-лётомъ, да черезъ спящаго подсыпку, да чуть не вышибъ съ петлями дверей — и ну подъ гору во всѣ лопатки чесать босикомъ... Самъ бѣжитъ и только вскрикиваетъ, — все ему кажется, вотъ-вотъ чертяка на него налетитъ.

Добѣжалъ до крайней избы, да черезъ тынъ лётомъ, да въ двери, да сталъ середъ вдовиной избы и тутъ только опомнился:

— А вотъ я и у васъ, слава Богу!

XII.

Вотъ вы подумайте себѣ, добрые люди, какую штуку устроилъ: рано поутру, еще и солнце только-что думаетъ всходить, и коровъ еще не выгоняли, а онъ безъ шапки, простоволосый, да безъ сапоговъ, босой, да весь расхристанный ввалился въ избу къ двумъ незамужнимъ бабамъ, ко вдовѣ съ молодою дочкой! Э, что тамъ еще безъ шапки: слава Богу, что хоть чего другого не потерялъ по дорогѣ, тогда-бы ужь навѣки бѣдныхъ бабъ осрамилъ!.. Да еще и говоритъ: «А слава-жь Богу! Вотъ я и у васъ».

Старуха только руками всплеснула. А Галя

соскочила въ одной сорочкѣ съ лавки, да поскорѣе запаску на себя, да плахту, да къ мельнику:

— Ты что это, злòдій, дѣлаешь? Опился, что-ли, своей хаты не нашелъ, въ нашу вотъ такой ввалился, а?

А мельникъ стоитъ противъ нея, глядитъ пріятно, хоть и выпучивши маленько глаза, и говоритъ: «ну, бей себѣ сколько хочешь».

Она его — разъ!

— Бей еще!

Она его и два.

— Вотъ такъ. Можетъ, еще дашь?

Она и три. Да тутъ видитъ, что ему ничѣмъ-ничего, стоитъ себѣ и глядитъ на нее пріятнымъ окомъ, всплеснула руками и заплакала.

— Ой, лихо мнѣ, бѣдной сиротинкѣ, кто за меня заступится!.. Ой, и что-жь это за человѣкъ такой! Мало ему, что обманулъ меня, молодую, что въ турецкую вѣру хотѣлъ сманить, такъ еще и славу на меня, сироту, навелъ, на все село осрамилъ. А теперь вотъ поглядите на него, добрые люди: я его уже три раза ударила, а онъ хоть-бы повернулся. Ой, и что-жь мнѣ еще съ такимъ человѣкомъ дѣлать, научите меня! Я-жь и не знаю уже...

А мельникъ спрашиваетъ:

— Ну, будешь еще бить или нѣтъ, говори прямо? Не будешь, такъ я ужь на лавку сяду, — усталъ.

У Гали опять-было заходили руки, да старуха догадалась первая, что тутъ что-то дѣло не очень простое, и говоритъ дочери:

— Погоди ты, дочка! Что ты, ничего хорошенько не спросивши, такъ прямо ладонями и плещешь по чужой щекѣ. Не видишь развѣ, парубокъ что-то съ глузду съѣхалъ (помѣшался). А скажи, неборàче, откуда ты такой сюда ввалился, да еще говоришь: «Слава Богу, вотъ я и у васъ!» — когда тебѣ тутъ не надо-бы и быть?..

Мельникъ протеръ глаза и говоритъ:

— Вотъ, скажите вы мнѣ, тетушка, по совѣсти: что, я сплю, или я по свѣту хожу? А со вчерашняго вечера прошла одна ночь, или цѣлый годъ, да я-жь теперь къ вамъ со своей мельницы, или съ неба свалился?

— Тю! перекрестить ты, человѣче, лѣвою рукой! И что ты это такое несешь языкомъ, а? Видно, тебѣ приснилось!

— Не знаю, пани-матко, не знаю, самъ ужь ничего не знаю.

Сѣлъ-было на лавку у окна, глядь — за окномъ, мимо хаты, по холодочку плетется шинкарь Янкель съ огромнымъ узломъ на спинѣ. Мельникъ вскочилъ на ровныя ноги, показываетъ бабамъ въ окно и говоритъ:

— Это кто идетъ, а?

— Да это-жь нашъ Янкель.

— А что онъ несетъ!

— Узелъ изъ городу.

— Такъ-же вы говорите, что мнѣ приснилось? Да вѣдь вотъ и жидъ воротился. Я его сейчасъ видѣлъ у мельницы, съ этимъ самымъ узломъ.

— А почему-жь бы ему и не воротиться!

— Да вѣдь его въ томъ году чортъ уволокъ — Хапунъ.

Ну, однимъ словомъ сказать, было тутъ много дива, какъ сталъ мельникъ разсказывать все, что̀ съ нимъ случилось. А, между тѣмъ, противъ хаты, на улицѣ, уже и народъ началъ набираться, да заглядывать въ окна, да судачить:

— Вотъ, говорятъ, это штука, такъ ужь штука: мельникъ простоволосый да расхристанный, безъ сапоговъ и безъ шапки, черезъ поле прямо ко вдовѣ придралъ и сидитъ теперь въ хатѣ.

— Эй! скажи ты намъ, добрый человѣкъ, а къ кому ты это такой нарядный бѣгаешь: къ старой Присѣ

или, можетъ, къ молоденькой Галѣ?...

Ну, тутъ, я думаю, сами вы ужь догадались, что такую славу на бѣдную дѣвушку навести напрасно нельзя. Пришлось мельнику жениться. Да и самъ Филиппъ признавался мнѣ не одинъ разъ, что Галю вдовину всегда любилъ, а послѣ той ночи, какъ побывалъ въ когтяхъ у нечистой силы, да Галя его вызволила, — такая она ему стала пріятная, что ужь его бы никто и палкой отъ нея не могъ отогнать.

Живутъ теперь на мельницѣ и ужь дѣтвору навели. А о шинкѣ мельникъ больше не думалъ и процентовъ не бралъ. И когда, бывало, при немъ станетъ кто толковать, чтобы спровадить жида Янкеля къ чортовой матери изъ села, онъ только рукой махнетъ.

— А шинокъ, — спрашиваетъ у такого человѣка, — какъ вы думаете, останется?

— А шинокъ останется, — куда-жъ его дѣвать!

— А кто-жь въ немъ сидѣть будетъ?.. — Можетъ, часомъ, вы не сядете ли?

— А что-жь, пожалуй, и я бы сѣлъ..

Такъ онъ, бывало, только свиснетъ...

XIII.

Да, такъ вотъ какая исторія случилась съ мельникомъ, — такая исторія, что и до сихъ поръ никакъ не разберешь: было это все, или этого вовсе-таки не было. Если сказать — брехня, такъ не такой мельникъ человѣкъ, чтобы брехать. Да и подсыпка Гаврило тоже еще живетъ на мельницѣ, и хоть самъ признается, что здорово былъ пьянъ въ эту ночь, а все-таки помнитъ хорошо, какъ мельникъ ему самъ двери отворилъ, и еще Гаврило замѣтилъ, что у хозяина лицо бѣлѣе муки. И Янкель пришелъ на зарѣ, и Опанасъ пріѣхалъ домой

босой и пьяный... Значитъ, и присниться все это мельнику — не приснилось.

Ну, а опять же и то взять: какъ же оно могло

быть, когда для этого всего нужно цѣлый годъ, а мельникъ на другое утро уже къ Галѣ прибѣжалъ босикомъ: еще люди видѣли и дивились, что такое за нужда мельнику, во всѣ лопатки, босому, къ дѣвкѣ черезъ поле бѣжать.

Э! лучше ужь, я думаю, и не разбирать этого дѣла. Было оно тамъ, или не было, а только вотъ что я вамъ, отъ себя уже, скажу: можетъ, есть у васъ гдѣ-нибудь знакомый мельникъ, или хоть не мельникъ, да такой человѣкъ, у котораго два шинка... Да еще, можетъ, жидовъ ругаетъ, а самъ обдираетъ людей, какъ липку, — такъ прочитайте вы тому своему знакомому вотъ этотъ разсказъ. Ужь я вамъ поручусь, дѣло пробованное, бросить онъ, можетъ, своего дѣла не броситъ, — ну, а вамъ чарку водки поднесетъ и, хоть на этотъ разъ, водой ее не разбавитъ.

Ну, а есть и такіе люди (это тоже дѣло виданное), что какъ выслушаютъ эту исторію, такъ и начнутъ лаяться на тебя, какъ собаки. Такъ я такимъ скажу вотъ что: лайтесь себѣ, сколько охота, а только я вамъ посовѣтую по правдѣ: берегитесь, какъ бы не случилось чего съ вами, какъ съ мельникомъ.

Потому что, видите ли, ново-каменскіе люди не разъ послѣ того видѣли того самаго чертяку: съ тѣхъ поръ, какъ попробовалъ мельника, уже не хочетъ вернуться къ себѣ безъ хорошей добычи... Летаетъ, какъ отставшая птица, и все высматриваетъ...

Такъ вотъ, добрые люди, берегитесь вы немного, какъ бы не случилось съ вами чего недобраго...

А пока что, прощайте! Если разсказалось что не такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, — не взыщите съ меня, простого человѣка...

———

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждетъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

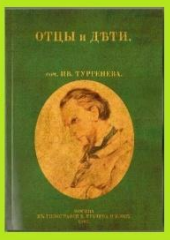
Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРѲОГРАФІИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орѳографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русскаго языка.



Доступны на

ozon.ru выбирайте

Пріобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ
[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]